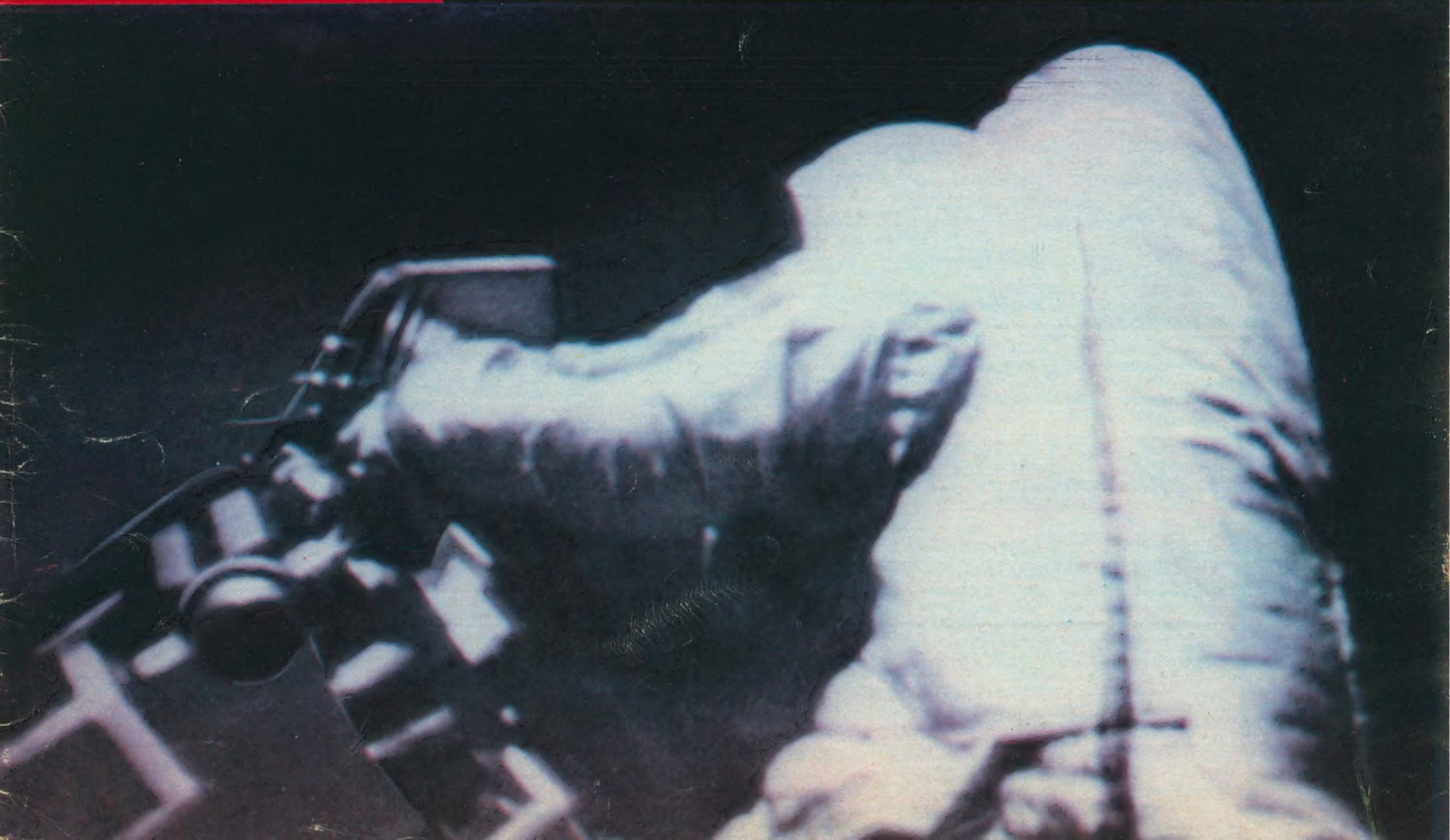

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 32 АВГУСТ 1984

**В П Е Р В Ы Е
В О Т К Р Ы Т О М К О С М О С Е
Ж Е Н Щ И Н А - К О С М О Н А В Т**

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 32 (2977)

4 АВГУСТА 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

**В Ы Х О Д
В Б У Д**

На космодроме Байконур космонавты (справа налево) В. Джанибеков, С. Савицкая, И. Волк встретились с журналистами.

Телефото В. Кузьмина (ТАСС)

— Включаю... Есть питание. Есть луч. Прожигаю пятно... Солнце слепит, мешаешь, не могу рассмотреть... Все! Вижу след. Не очень ровный пока, но красивый.

Светлана Савицкая говорила с паузами, и в этих паузах эфир здесь, в Центре управления полетами, как бы заполнялся ее напряженным дыханием. Вдруг ожил экран зала. Возникли знакомые очертания орбитальной станции, штыри, антенны. Показался и исчез выпуклый бок Земли. Сначала неясно, а потом все четче и ярче весь экран заполнила фигура в скафандре. Голова неуклюже наклонена вперед, а в руке что-то похожее на пистолет.

— Сейчас шов стал ровнее. Пробую другой режим.— И голос Светланы уже ровный, спокойный, как всегда, деловитый.

...25 июля в 18 часов 55 минут, в очередной раз (шестой по счету!) открылся люк орбитальной станции «Салют-7». Пять раз отсюда выходили мужчины, а сейчас они галантно распахнули его для Савицкой. Впервые в истории космонавтики женщина вышла в открытый космос. Вместе с ней с компактной корзиной для специального инструмента на рабочую площадку подошел Владимир Джанибеков. Закрепились. Светлана взяла из корзины универсальный рабочий инструмент в правую руку, левую — на пульт управления, и эксперимент по металлургии — пайка, резка, сварка — в открытом космосе начался. Уникальную эту работу снимал Владимир Джанибеков.

— Резать труднее, чем на Земле. Металл быстро стягивается вокруг дырки, — комментирует Савицкая. Буднично, словно не летит она сейчас над Землей на высоте 350 километров в безопорном пространстве.

— Летите над Байкалом, скоро выйдете в тень, советуем приступить к напылению, — деликатно напоминает Земля.

Кончается видеозона. Алексей Архипович Леонов встает, вытирает платком лицо. Весь сеанс он просидел не шелохнувшись, вглядываясь в космос, только губами изредка шевелил, словно мог подсказать, помочь.

— В сто раз было бы легче, если бы пошел сам. Социологи, которые занимаются оценкой трудовой деятельности, считают, что самая тяжелая работа — в скафандре под давлением 10-й степени атмосфер, — говорит он. — Космическое излучение окружает их. А контраст температур: с одной стороны — минус 140 градусов, а с другой стороны под солнечным светом — плюс 140. И микрометеоритики носятся... И все же это такое счастье — увидеть Землю вот так, открытой. Сейчас они в темноте летят. Отдыхают. Глаза привыкнут и начнут различать Луну, звезды и облака над Землей, что делают ее косматой. А города на Земле — как угасающие костры...

В Центре управления в перерыве специалисты и журналисты столпились около инструмента, точно такого же, каким сейчас работают в космосе. УРИ — универсальный рабочий инструмент — действительно, похож на пистолет, самый мирный из всех пистолетов. Каждое действие его электронных пушек — сварка, пайка, резка — это в одном режиме, а в другом — напыление, результат огромного труда на Земле в Институте электросварки имени Е. Патона. Бессонные ночи, споры, отчаяние, когда казалось, что невозможно угодить всем этим бесконечным «надо»: и по весу, и по виду, и по безупречности действий. Но инст-

румент получился хорош. Компактный, ладный, умный.

...Начался следующий сеанс, и Джанибеков, взяв инструмент в руку, чтобы продолжить работу, дал оценку как инженер:

— Прекрасно работает. Мягко. Держать удобно. Швы получаются разные: простой, зигзаг.

И как художник:

— Ой, он как кисточка ходит. Какое удовольствие! Чего бы еще покрасить? Уверен, у него большое будущее.

В это будущее, когда в космосе нужно будет монтировать целые города, сегодня сделаны первые уверенные, совсем не робкие шаги. В эксперименте используются самые ходовые в космической технике металлы — титан, сталь. Но в принципе таким способом можно монтировать практически любые материалы.

Сейчас эти планшеты уже на Земле в руках специалистов. И не только планшеты, но ампулы, капсулы, фото- и киноплёнка — весь бесценный груз. 29 июля в 16 часов 55 минут экипаж в составе Владимира Джанибекова, Светланы Савицкой и Игоря Волка в добром здравии возвратился на Землю.

Родина высоко оценила их заслуги. Дважды Герой Советского Союза, побывавший в космосе уже четвертый раз, В. А. Джанибеков награжден орденом Ленина; И. П. Волку присвоено звание Героя Советского Союза и звание «Летчик-космонавт СССР»; а С. Е. Савицкая стала первой женщиной, награжденной второй медалью «Золотая Звезда», — дважды Героем Советского Союза.

12 дней — срок небольшой, но работа шла без отдыха, без выходов, от звонка «подъем» до звонка «отбой» с полным напряжением физических и душевных сил. С первого же часа запустили в производство целую серию космических экспериментов: «Цитоз» — по биологии, «Пневматик», «Аннета», «Аргумент», «Нептун», «Марс», «Балатон» — по медицине, «Электротопограф» — по технологии. Позже — астрофизические исследования.

Получили напсулы с образцами материалов, которые используются для закрепления стенок нефтяных и газовых скважин. На Земле, сколько ни будут ученые, все материалы пористые, может быть, там, в невесомости, образцы, смешанные с водой, дадут тот единственно истинный состав, что на нет сведет потери нефти и газа в скважинах.

Получили ультрачистые биологические препараты в эксперименте «Таврия». Для медицины и сельского хозяйства работала полупромышленная установка. Процесс разделения биологических веществ в космосе идет, оказывается, в 400 раз быстрее, а вещество делится на 5 четких фракций.

Удивительный темп работы. И возможен он потому, что все системы, приборы, аппаратура на станции вели себя безупречно под опекой основного экипажа. Потому, что рядом были плечи, руки, опыт космических марафонцев — Кизима, Соловьева и Атькова.

— Мы сделали полностью все, что было предложено специалистами. Время пролетело как один день, и еще одного дня не хватило. Впрочем, в космосе хоть десять лет летай, все равно в конце окажется, что дня не хватит, — сказал, подводя итоги, Владимир Джанибеков. — Мы многому научились, чтобы теперь космос стал перспективным и давал реальную продукцию, которую можно было бы засчитать в выполнение народнохозяйственного плана. Мы можем сказать, что и наш труд вливается в труд нашего народа.

Р. КОРНАУШЕНКО

МИР

БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ

Сергей ЛОСЕВ

Нет нужды доказывать, что из всех региональных конфликтов противоборство на Ближнем Востоке представляет, пожалуй, самую большую угрозу международному миру и безопасности. Сохраняющаяся взрывоопасная ситуация в этом регионе и жизненные интересы народов настоятельно диктуют необходимость скорейшего достижения справедливого и прочного урегулирования ближневосточного конфликта. Именно на это направлены всеобщие предложения Советского Союза, опубликованные в советской прессе 30 июля, и призыв СССР ко всем сторонам в конфликте действовать исходя из трезвого учета законных прав и интересов друг друга, а ко всем другим государствам не мешать, а содействовать поискам такого урегулирования.

Все иные пути уже доказали свою бесплодность. Три арабо-израильских войны, 1956, 1967 и 1973 годов, равно как и израильское вторжение в Ливан, ничего не решили: они лишь принесли неимоверные страдания народам арабского Востока, усугубили бедствия почти четырех миллионов арабских беженцев из Палестины, углубили вражду между арабскими странами и Израилем.

Опыт со всей убедительностью показывает также бесплодность попыток американской дипломатии решать ближневосточную проблему путем навязывания арабам разного рода сепаратных сделок с Израилем на условиях агрессора и в обстановке непрекращающейся оккупации арабских земель.

В самом конце июля из Бейрута осуществлен отвод последнего контингента американской морской пехоты. А ведь не так давно президент США заявлял, что «силы США останутся в Ливане до тех пор, пока положение не окажется под контролем... У нас, — уверял Рональд Рейган, — имеются жизненные интересы в Ливане». Для того, чтобы закрепить свое военное присутствие в Ливане и дополнить израильскую оккупацию американской, администрация США прибегла к «дипломатии канонерок» и ожесточенным обстрелам ливанской территории из крупнокалиберных орудий линкора «Нью-Джерси».

Возведение террора в ранг государственной политики, ставка на грубую силу не дали, однако, результатов. Благодаря противодействию Сирии и национально-патриотических сил Ливана было аннулировано кабальное израильско-ливанское соглашение, навязанное ливанскому правительству под давлением США, а американской морской пехоте пришлось убраться из Бейрута. «Окончательный вывод морской пехоты, — резюмирует «Вашингтон пост», — подчеркивает провал американской политики».

СССР вновь предлагает теперь провести переговоры с участием всех заинтересованных сторон в рамках международной конференции по Ближнему Востоку и в итоге конференции подписать договоры, предусматривающие вывод израильских войск

со всех оккупированных с 1967 года арабских территорий; осуществление законных национальных прав арабского народа Палестины, включая его право на создание собственного государства; установление состояния мира и обеспечение безопасности и независимого развития всех государств — участников конфликта.

Должно быть прекращено состояние войны и установлен мир между арабскими государствами и Израилем. Это означает, что все стороны в конфликте, в том числе Израиль и палестинское государство, должны взять обязательства взаимно уважать суверенитет, независимость и территориальную целостность друг друга, решать возникшие споры мирными средствами, путем переговоров.

Организация освобождения Палестины и многие арабские государства приветствовали советскую инициативу, созвучную резолюциям ООН и решению общееарабского совещания в верхах в Фесе.

Однако Вашингтон и Тель-Авив, не удосужившись даже ознакомиться с советскими предложениями, с ходу их отклонили.

Высокопоставленный сотрудник израильского правительства, пожелавший остаться анонимным, не захотел комментировать конкретные пункты предложения. Он заявил, что правительство Шамира «принципиально не согласно» с идеей созыва международной конференции по Ближнему Востоку, в работе которой приняли бы равноправное участие все заинтересованные стороны, включая ООП. Взяв на себя роль представителя американской администрации, он далее заявил, что США «придерживаются той же точки зрения». Представитель госдепартамента США напомнил, что «вопрос о созыве международной конференции поднимался много раз; Соединенные Штаты, — утверждал он, — всегда были против нее».

Представитель госдепа как бы забывал, что несколько лет назад эта конференция уже собиралась в Женеве и США официально принимали в ней участие. Поэтому нынешнюю констатацию госдепартамента о том, что США были «всегда против конференции», следует, видимо, воспринимать как подтверждение того, что и тогда США пошли в Женеву не с чистым сердцем, а для того, чтобы разбросать в стороны кирпичи, из которых можно было бы построить здание прочного и справедливого мира на Ближнем Востоке.

«Позиция США по вопросу о конференции, — добавил представитель госдепартамента, — не изменилась. Мы не видим, каким образом это предложение могло бы привести к успеху, и я вас отсылаю к президентской мирной инициативе от 1 сентября...»

Но так называемая «инициатива» Рейгана от 1982 года была с самого начала мертворожденной, потому что она преследовала цель склонить Иорданию к участию в сепаратных переговорах с Израилем по палестинскому вопросу. Отвергая неотъемлемое право арабского народа Палестины на создание собственного независимого государства на территории Западного берега реки Иордан и сектора Газы, Вашингтон хотел бы подменить его неким марионеточным «автономным образованием». Израильские экспансионисты, в свою очередь, рассматривали «инициативу» как путь к закреплению оккупации Западного берега реки Иордан: не прекращающееся насаждение новых израильских военизированных поселений на этих арабских землях — неопровержимое тому свидетельство.

Советский Союз, отмечает французская газета «Либерасьон», выступил с предложениями по ближневосточному урегулированию в тот момент, когда процесс урегулирования в этом регионе оказался полностью заблокированным.

Советская инициатива указывает верный выход из этого тупика.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

ГОСТЬ «ОГОНЬКА»

В гостях «Огонька» побывал Шрикант Варма с супругой. Известный поэт, писатель и драматург Индии поделился своими мыслями о традиционных связях литератур двух великих стран.

— В Индии высоко ценят русскую классическую литературу, — сказал Шрикант Варма. — На мой взгляд, такая популярность произведений русских классиков объясняется духовным родством двух наших народов. Особенно близок нам Лев Толстой. Толстовские идеи оказали огромное влияние на вождя индийского национально-освободительного движения Ганди. Я по несколько раз перечитывал Толстого и всегда находил под сильным впечатлением от его мудрых и добрых

слов. Приехав в вашу страну, я, конечно, не преминул посетить Ясную Поляну. Для меня это своего рода паломничество к великому писателю не только вашей страны, но и всего мира. Но не только Лев Толстой известен у нас. Произведения Чехова и Достоевского знает почти каждый грамотный индиец.

Шрикант Варма пишет на хинди. Он вошел в литературу в 50-е годы. Это было время бурного расцвета индийской литературы. Шрикант Варма стал руководителем группы «Новая поэзия», которая стремилась к расширению тематики произведений и демократизации языка. У него вышло 16 поэтических сборников и роман в прозе «Снова».

— Как ни странно, сейчас в Индии, — продолжает Варма, — писателем стать труднее, чем это было до получения Индией независимости. Сейчас писатель должен равняться не только на своих классиков, но и соотносить свое творчество с мировой лите-

Фото М. Савина

ратурой, в частности с великой русской литературой.

Шрикант Варма — прекрасный переводчик и неутомимый популяризатор советской поэзии у себя в стране. Из-под его пера вышли переводы стихов Владимира Маяковского, Анны Ахматовой,

Бориса Пастернака и Андрея Вознесенского.

— Если говорить о поэзии, то моим любимым поэтом является Владимир Маяковский. Меня всегда поражала сила его страстей. Для меня было огромным удовольствием переводить его стихи, я как бы проникал в глубину его поэзии, в бурное и стремительное время его жизни. Владимир Маяковский научил меня писать. Когда я говорю о Маяковском, я сразу же вспоминаю молодого индийского поэта Моктибату. Он тоже умер молодым и очень был похож на Маяковского своим поэтическим порывом. В Индии хорошо знают классика советской литературы — Михаила Шолохова. Особенно известен его роман «Тихий Дон». Эта книга привлекает к себе, подкупает искренностью, трогает до глубины души. И я хорошо понимаю, что для вас, советских людей, значит Шолохов, эпохальные разломы, раскрытые в его произведениях.

Бритты бастуют... Суровые дни
У горняков не впервые.

Право на труд защищают одни,
Право на гнет — другие.

Рисунок Бор. ЕФИМОВА
Стихи Ник. ЭНТЕЛИСА

ШЕСТОЙ МЕСЯЦ ЗАБАСТОВКИ

Ожесточение борьбы вокруг продолжающейся шестой месяц забастовки английских горняков выводит ее за пределы любого самого острого социального конфликта в Великобритании в послевоенные годы. Правительство консерваторов во главе с Маргарет Тэтчер пытается решить сейчас «сверхзадачу», порученную ему правящим классом, — подорвать способность и готовность профсоюзов к защите интересов трудящихся. Для британского рабочего движения судьба забастовки также означает гораздо большее, чем спасение 20 шахт и 20 тысяч рабочих мест в угледобывающей промышленности. Для тред-юнионов сейчас решается вопрос, сумеют ли они остановить наступление правительства на профсоюзные права, показать, что рабочая солидарность сильнее антирабочего законодательства и лавины репрессий, обрушенных властями на бастующих шахтеров.

Шестой месяц забастовки демонстрирует меняющуюся тактику правительства. Вначале ставка была сделана на то, чтобы взять горняков измором: голодом и угрозами выселения из домов в шахтерских поселках заставить их вернуться на работу.

Сорвалось. Конечно, бастующие и их семьи терпят труднопереносимые лишения. Но по всей стране идет сбор средств в пользу бастующих. Комплекуются, поку-

паются и распределяются среди наиболее нуждающихся семей продуктовые пакеты. Созданы десятки столовых и кухонь, где шахтеры могут хотя бы раз в день получить горячую пищу.

В некоторых шахтерских городках муниципалитеты организовали бесплатные завтраки для детей горняков. Многими профсоюзами создан фонд помощи. Только что профсоюз государственных служащих передал в него 25 тысяч фунтов стерлингов.

Вице-президент йоркширского отделения национального профсоюза горняков Сэмми Томпсон говорит: «Чувство локтя — вот о чем не имеют понятия Маргарет Тэтчер и Ян Макгрегор (председатель национального управления угольной промышленности). Они даже приостановили вначале выплату пособия детям бастующих в надежде вынудить их отцов вернуться на работу. Они не учли, что шахтерские семьи едины в своих требованиях и готовы бороться за их осуществление. Правительство просчиталось!»

Теперь основная ставка делается на массовые аресты, судебные преследования пикетчиков и угрозы судебных акций против самого профсоюза на основе принятого в последние годы антирабочего законодательства. Просто полиция, конная полиция, полиция в специальном снаряжении: в касках, с палками и пластмассовыми

щитами — все используется для подавления массовых выступлений. Новые подразделения подтягиваются в угледобывающие районы по всей стране. Для их размещения используются армейские казармы. Говорят, что со складов в распоряжение полиции поступает газ «Си-эс» и пластиковые пули, опробованные в Северной Ирландии. Но и без стрельбы и газовых атак шахтеры уже похоронили двух своих товарищей, погибших в линиях пикетов.

Правительственная пропаганда изо всех сил пытается переложить вину за насилие, жертвы и тысячи арестов на бастующих. Но многие сотни случаев свидетельствуют, что полиция умышленно провоцирует столкновения, чтобы подорвать общественную поддержку шахтеров, выдав их за экстремистов и бунтовщиков.

Вот случай ареста, вызвавший недавно многочисленную демонстрацию протеста возле тюрьмы в городе Линкольне. Как рассказал представитель профсоюза на шахте в Ноттингеме Брайн Уокер, полицейские арестовали забастовщика Марка Брайли, придравшись к тому, что он припарковал машину у входа на шахту. На него надели наручники, поранив запястья, били при аресте. Видевший это его младший 17-летний брат Алан вступился и был арестован вместе с ним. Оба оказа-

лись в тюрьме в Линкольне, куда и пришли сотни шахтеров требовать их освобождения.

По поводу действий полиции в этой забастовке преподаватель политических наук Шеффилдского университета Энтони Арблстер недавно писал в газете «Гардиан»: «Полиция знает, что ее операции — сомнительные с точки зрения законности — будут поддержаны правительством. И она пользуется предоставленными ей возможностями: арестовывает тысячи шахтеров, фотографирует их, допрашивает по поводу их политических убеждений, подслушивает телефоны и пополняет этими сведениями свои досье на политических активистов».

Как сказал мне старый рабочий, бывший председатель городского совета тред-юнионов в городе Ковентри Билл Уормен, эта забастовка откроет многим глаза на слова и дела, когда речь идет о правах человека в этой стране. А для десятков тысяч молодых рабочих она будет настоящей школой классовой борьбы, которая, как их убеждала официальная пропаганда, якобы закончилась задолго до их рождения.

Сергей ВОЛОВЕЦ,
соб. корр. АПН,
специально для «Огонька»

Лондон.

рост преступности в американских городах, появление нью-йоркских небоскребов и чуть ли не все остальное, что волнует современного жителя Соединенных Штатов. А в Калифорнии компания «Хевенс юнион» («Небесный союз») выполняет роль телеграфа по связи... с потусторонним миром. (Тариф — 60 центов за слово; отправления, адресованные в ад, не принимаются.)

Прוצветает, словно на дворе не век спутников, а времена инквизиции, «Общество плоской земли». С избранием Рейгана обрела «второе дыхание» теория божественного происхождения жизни. В 36 штатах внесены законопроекты о преподавании богословия. Терроризируемые мракобесами издатели все чаще отказываются печатать тексты, хотя бы мельком упоминающие теорию эволюции. Словом, перефразируя популярную некогда строфу, в сегодняшней Америке «что-то физики в загоне, что-то метафизики в почете».

Между тем Пентагон требует новых бюджетных ассигнований для проведения парапсихологических опытов. В конгрессе США эту кампанию возглавляет Чарли Роуз, который входит в состав комиссии палаты представителей по делам разведки и страшает коллег пресловутой угрозой «отставания от русских». Три года назад, пишет Макрей, он вызвался стать объектом экспериментов по провоцированию паранойи. Похоже, в его случае опыт удался. Стоит Роузу учуять малейшее сомнение по поводу своих идей, как его глаза наливаются кровью, а уста изрыгают ставшую штампом фразу: «Этого типа пора вызвать в комиссию по расследованию».

«Улики» приемнику Маккарти поставляет Пентагон. Так, в 1978 году умышленно рассекретили «документы», из которых следовало, будто Советский Союз обрел способность менять образ мыслей военных и политических лидеров США, с помощью телепатии и гипноза выводить из строя военную технику и личный состав американской армии. Когда же от фальсификаторов потребовали доказательств, они выдвинули неотразимый аргумент: мол, отсутствие конкретных сведений — самое веское свидетельство, что в обороне Соединенных Штатов образовалось «окно уязвимости» еще на фронте парапсихологии. Вслед за этим возникла идея снабдить персонал здешних ракетно-ядерных баз «психическими заслонками», которые вкупе с «транзисторными головками чеснока» (модернизированный вариант средства от вампиров) тут же предложили проидошистые «экстрасенсы».

Как же все-таки расценивать то, что подробнейшим образом, с многочисленными ссылками на авторитетные источники описал Макрей? Может быть, ответ таится в мнении директора научно-исследовательского центра по изучению аномалий в Энн-Арборе (штат Мичиган) Марчело Труцци, которого Макрей пригласил в редакторы-консультанты. В работах в области парапсихологии, которые ведутся в США, считает Труцци, много дезинформации, предназначенной для того, чтобы вовлечь всех, в ком Вашингтон видит врагов, в дорогостоящие исследования по заведомо ложным направлениям.

Вашингтон.

ПАМЯТИ
МУИНА
БСИСУ

Фото А. Маслова

БОЛЬ УТРАТЫ

Элис ФАИЗ

Я понимаю, еще очень мало прошло времени и рана еще слишком свежа, но все-таки я не могу не написать о Муине...

Эта рана никогда не затянется, не утихнет боль, не ослабеет тяжесть утраты; и если писать, то сейчас, не откладывая.

— Пусть меня похоронят в Газе, — говорил он, — там, где я родился, где жила моя семья, на берегу реки.

Мы стояли на шестом этаже на балконе нашей бейрутской квартиры и, облокотившись на перила, смотрели на простиравшееся перед нами сверкающее Средиземное море. А внизу на улице пестрели в шуме и суете людская толпа, потоки автомобилей, грузовиков, автобусов, «джипов»...

В ту ночь, как и во многие другие, израильские канонерки подкрадывались к городу под прикрытием темноты и выплескивали огненные залпы, а горстка палестинских «гнезд» береговой охраны отвечала редкими орудийными выстрелами. Я часто подтрунивала над Мусой, телохранителем палестинского поэта Муина Бсису: что толку от этих нескольких пушек? Он гордо вскидывал голову в ответ:

— Пусть знают, что мы здесь!

«...Похоронят в Газе» означало непоколебимую веру в конечную победу палестинской революции. Каждая строка этого поэта-борца обрушивалась на врага, его припешников и малодушных попутчиков революции. Борцы умирали в сражениях, от рук убийц, от тяжелых болезней, но их вера оставалась непреклонной.

По работе в Ассоциации писателей Азии и Африки мы знали Муина как редактора арабского издания журнала «Лотос». Но нам довелось узнать его и гораздо ближе. Как любящего отца троих детей: сын, Тауфик, высокий, длинноногий, копия отца, уже умело обращался с оружием, был членом молодежной бригады ООП, и

две стройные дочери. Мы знали его как заботливого сына мягкой седовласой матери и сутуловатого, доброжелательного отца. Мы знали его как брата, племянника, друга...

Муин чувствовал, что он постоянно под прицелом врага, его водитель был всегда вооружен, да и сам Муин не расставался с пистолетом.

В коридоре у двери редакции «Лотоса» — постоянно охрана. А значит, и нам спокойнее — наша квартира напротив.

Когда я впервые приехала в Бейрут, Муин распахнул передо мной дверь этой квартиры: вот ваш дом, извините, что так скромно. И она служила нам домом почти два года. И за эти два года Муин стал частью нашей жизни — вместе в Москве, Монголии, Сирии, Вьетнаме, Кампучии, Лондоне и снова в Бейруте...

Да, революция была смыслом его жизни, самой его жизнью.

И все же бывали дни, когда мы веселились: в маленьком домике на побережье в двух километрах от Бейрута, куда иногда выезжала его семья. Не забыть мне счастливых часов у Муина дома среди его друзей, писателей, художников. Его дом, полный сувениров, дорогих его сердцу памятных подарков от друзей и поклонников, хоть и недолго, служил ему прибежищем, отдохновением.

Впервые я познакомилась с Муином в Москве, куда съехались писатели Азии и Африки после конференции в Эфиопии. Я опоздала на самолет в Аддис-Абебу и не смогла присутствовать на встрече. Поэтому с интересом слушала их рассказы. Все были довольны, оживленно обменивались впечатлениями...

Что можно сказать об этом человеке? Высокий, подвижный, всегда элегантный, но готовый, если понадобится, надеть потертую, выцветшую форму бойцов ООП. О пережитом в тюремных стенах он рассказывал в «Палестинских

тетрадах», его стихи переведены на многие языки. Он стал первым переводчиком стихов Фаиза Ахмада Фаиза на арабский (сидел ночами, чтобы успеть в срок). Очень гордился этим маленьким томиком.

С каким наслаждением мы слушали, как он читал свои стихи. Короткие, чеканные, яростные строки, как орудийные залпы. Мы слушали и восхищались духом палестинской революции. Самой памятной стала встреча в Ханое. Вечер поэзии. Поэты Азии и Африки читают свои стихи перед огромной аудиторией. И вот на сцену выходит Муин. Затаив дыхание слушает зал пламенные строки на непонятном арабском языке и разражается бурными аплодисментами. Затем его вьетнамский переводчик, худощавый, невысокого роста, читает по-вьетнамски с таким волнением, что на его глазах наворачиваются слезы, и зал снова грохочет. Муин наклоняется, сгибаясь почти вдвое, и обнимает этого маленького ветерана вьетнамской революции. Зал смеется и плачет.

Наша последняя встреча — Муин уезжает из Москвы в Тунис. Мы сидим в гостиничном номере: облака сигаретного дыма, кофе, нескончаемые разговоры... Пора прощаться... И вдруг...

— О боже! — вырывается мучительный стон. — Если бы только этот самолет разбился и кончились мои страдания! — Муин закрывает лицо руками. — Я все потерял, все!..

Какое-то мгновение — и он уже у порога, досаждает на себя за минутную слабость. Мы обняли его, все понимая. Знали, что он всегда будет в первых рядах борцов.

Могла ли я знать, что это будет наша последняя встреча, что не дожидусь его берега Газы, что похоронят его не на родной земле... Я бы крепче обняла его... Могла ли я знать...

Перевод Н. СТЕПАНОВОЙ.

КАКИМ БЫТЬ «ОГОНЬКУ»-85?

Началась подписка на газеты и журналы на 1985 год. Редакция занята составлением перспективных планов. Формируем редакционный портфель, ведем переговоры с авторами, намечаем будущие темы, еще и еще раз обращаемся к читательской почте. Ведь лицо журнала в немалой степени определяется советом читателей, мерой их требовательности, их участием в редакционной работе. Поэтому мы просим вас: напишите, каким вы хотите видеть «Огонек» в 1985 году. Мы будем признательны и за развернутые

предложения и за лаконичный совет, за подсказанную тему и предложенную рубрику. Что, с вашей точки зрения, могла бы предпринять редакция общественно-политического и литературно-художественного журнала, чтобы он наиболее полно удовлетворял растущие запросы читателей, чтобы еще ярче, убедительнее рассказывал о борьбе советских людей за выполнение решений XXVI съезда партии и последующих Пленумов ЦК КПСС; о путях быстрого осуществления Продовольственной программы; о разра-

батываемой Комплексной программой развития производства товаров народного потребления и системы услуг населению.

Наша партия, весь советский народ уже сейчас готовится к XXVII съезду КПСС. Это огромное событие в жизни советской державы. Ждем ваших предложений, советов, — какими бы вам хотелось видеть материалы журнала, посвященные подготовке к XXVII съезду партии.

В 1985 году страна будет отмечать 40-летие Победы. Бессмертный подвиг нашего народа, его сынов и дочерей на фронте и в тылу — одна из главных тем журнала 1985 года. Мы не мыслим решение этой темы без самого активного участия читателей, без ваших писем, воспоминаний, семейных архивов, фотографий той поры. Давайте посоветуемся, в какой форме лучше вынести все эти памятные документы на страницы журнала, чтобы сделать максимально яркой коллективную повесть о всенародном подвиге.

Редакцию интересует ваше мнение о наших постоянных разделах: проза, поэзия, литературная критика, публикации по истории культуры, статьи, помогающие познакомиться с шедеврами мирового, советского, многонационального искусства; ваше мнение об очерках, репортажах и статьях по проблемам промышленности, сельского хозяйства, социального и культурного строительства, тор-

говли, науки и техники, военно-патриотического и нравственного воспитания; удовлетворяют ли вас выступления по театру и кино, телевидению и спорту. Какие публикации по этим и другим привлекающим внимание вопросам вы хотели бы прочитать в «Огоньке»? «Огонек» получает немало писем. Пока мы не удовлетворены тем, как используем их. Подскажите редакции пути и методы более активного использования ваших писем. Заинтересовали ли вас, в частности, страницы «Читатель — журнал — читатель», «Почта одного дня»?

В журнале прочно утвердился жанр интервью. Что, по вашему мнению, нужно сделать для большей их доходчивости, кого бы вы хотели включить в круг ваших собеседников, с кем и о чем вы хотели бы побеседовать на страницах журнала? Сформулируйте вопросы, которые вас интересуют. Редакция задаст их рабочим и колхозникам, партийным и советским работникам, ученым и писателям, деятелям искусства, театра и кино, руководителям промышленности и торговли, спортсменам и другим интересующим вас людям.

Редакция намеревается расширить круг тем, отражающих жизнь семьи, школы, советской молодежи, круг проблем, связанных с формированием личности в разном социалистическом обществе. Давайте посоветуемся, как лучше это сделать.

УЧАСТНИКИ ПАРАДА ПОБЕДЫ, ОТЗОВИТЕСЬ!

ВЫСОКАЯ ЧЕСТЬ

На флот я был призван осенью 1940 года со второго курса Харьковского авиационного института и вскоре стал радиотелеграфистом.

И вот наступило утро 22 июня 1941 года, перевернувшее судьбы всех советских людей. В конце октября, прорвав наши укрепления на Перекопском перешейке, враг устремился в Крым. На обширном плацу нашего учебного отряда спешно формировались батальоны морской пехоты. В один из них был включен и я командиром стрелкового отделения. Винтовка с граненым штыком, подсумок с патронами, пара гранат, противогаз да черная матросская форма, под которой бились наши комсомольские сердца, — вот и все, с чем мы выходили навстречу врагу, рвавшемуся к Севастополю. Тогда же девятнадцатилетним юношей я был принят кандидатом в члены партии.

А в конце декабря меня тяжело ранило. Долгие месяцы лечения, и летом 1942 года я снова в морской пехоте. Наш 137-й полк на лидере «Харькова» и эсминце «Бойний» срочно направляется в Новороссийск, к которому уже подошел враг. В районе цементных заводов «Пролетарий» и «Октябрь», истекшая кровью вместе с другими частями, полк не пропустил противника дальше.

В первом батальоне я обеспечил связь со стрелковыми ротами. Обстрел ли, ночь ли, снег или дождь, но мы шли на устранение повреждений линий, обеспечивая связь.

В конце 1942 года я был снова ранен, но вскоре вернулся на передовую. Теперь я стал автоматчиком и сражался в горах северо-восточнее Новороссийска.

В мае 1943-го я снова стал связистом и был переброшен на Малую землю. Трудно там было невероятно, мои друзья погибали при бомбежках, подрывались на

НУЖЕН ЗНАК УЧАСТНИКА ПАРАДА

С самого начала войны прошел я с боями от Ржева до берегов Балтийского моря, участвовал в штурме Кенигсберга. За образцовое выполнение боевых заданий командования награжден орденом Красной Звезды и Красного Знамени, медалью «За отвагу» и другими наградами. В боях получил три ранения.

Вспоминаю, как в начале мая 1945 года нас в составе сводного полка от 3-го Белорусского фронта привезли в Москву и разместили в помещении бывших Чернышевских казарм. Мы ежедневно выезжали для подготовки к параду на набережную Москвы-реки на территорию Центрального парка культуры и отдыха имени А. М. Горького. Занятия были

очень интенсивными. Стрелковой подготовкой руководил командир стрелкового корпуса дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант П. Кошевой (впоследствии Маршал Советского Союза).

24 июня 1945 года было дождливое, но теплое. Настроение у нас было приподнятое. После прохождения по Красной площади мы были буквально «растерзаны» москвичами, собравшимися на улицах для демонстрации, которая, к сожалению, не состоялась из-за непогоды.

На этом можно было бы и закончить свое письмо, если бы не один факт, который, на мой взгляд, заслуживает внимания редакции. Учитывая, что приближается историческая дата в жизни советского народа — 40-летие Победы в Великой Отечественной войне, а также 40-летие со дня проведения парада Победы, я решил обратиться в Центральный архив Министерства обороны СССР с просьбой подтвердить мое участие в параде. Каково же было мое удивление, когда я получил вот такой ответ: «Уважае-

мый Валерий Михайлович! Документов по учету личного состава сводного полка 3-го Белорусского фронта, принимавшего участие в параде Победы 24 июня 1945 года, в Центральном архиве Министерства обороны СССР на хранении нет, в связи с чем выполнить Вашу просьбу не представляется возможным. В документах частей и соединений, представители которых участвовали в параде, их убийство отражалось как в командировку».

Получается, что мы не можем доказать свое участие в историческом параде Победы. А ведь мы в течение длительного времени подготовки к параду получали в Москве довольствие, парадную форму и оружие, а также медали «За победу над Германией» и к ним удостоверения в красной обложке. Думаю, что было бы неплохо теперь, в канун 40-летия парада Победы, придумать какой-то знак и вручить его участникам этого исторического парада.

В. ВОЕВОДИН

Москва.

Храбрый Партизанъ
Дѣнійъ Васильичъ Давыдовъ.

1812-

ДЕНИЙ
ДАВЫДОВЪ

ПУШКИН
и Денис
ДАВИДОВ.

Оминанье прежних дней

Пушкина, некогда любезнейшего собутельника и всегда моего единственного, родного душе моей поэта! Право, у меня сердце облилось радостью, как при получении записки от любимой женщины.

Как мне досадно было разъехаться с тобою прошлого года! Я не успел проехать Симбирск, как ты туда явился, и что всего досаднее, я возвращался из того края, в который ты ехал и где я мог бы тебе указать на разные лица или рожи, от которых ты мог получить и бумаги и сведения, тебе нужные. После того ты был у Язынова, и я не знал о том! Неужели ты думаешь, чтобы я усидел дома и не прилетел бы обнять тебя. Злодей! зачем не дать было знать мне?

Знаешь ли, что струны сердца моего опять прозвучали? На днях я написал много стихов, так и брызгало ими. Право, я думал, что рассудок во мне так разжирел, что вытеснил поэзию; не тут-то было; востепенулась небесная, и он — дай бог ноги, так что и по сию пору не отыщу его.

Совестно мне посылать тебе сердечные мои бредни, но, если прикажешь, исполню повеление Парнасского отца и командира. Надо только, чтобы повеление писано было нецеремониально, и слово вы заменилось словом ты. Тогда на все готово.

Д. В. Давыдов — Пушкину. 1834.

«Твое ты сняло мне двадцать пять лет с костей и развязало мне руки — по милости его я молод и свободен. Теперь слово о журнале: Смирдин давал мне по 300 р. за печатный лист с тем, что статьи, помещаемые им в «Библиотеке для Чтения», я имел право печатать в особой книжке. Хочешь так? или как тебе угодно, я с тобою на все согласен, только уведоми».

Жаль, что не дождался тебя в Москве. Я сегодня еду отсюда в мои степи. Баратынский хочет пристать к нам, это не худо; Язынов верно будет нашим; надо бы Хомякова завербовать, тогда стихотворная фаланга была бы в комплекте».

Д. В. Давыдов — Пушкину. 1836.

«Я сейчас из Москвы — Статью о Дрездене не могу тебе прислать прежде нежели ее не напечатает, ибо она есть цензурный документ. Успеешь взглянуть на ее благодородные раны».

Покаместь благодарю за позволение напечатать ее и в настоящем ее виде. А жаль, что не тиснули мы ее во 2-м № «Современника», который будет весь полон Наполеоном? куда бы кстати тут же было заколоть у подножия Вандомской колонны генерала Винценгероде

Д. Давыдов. 1812 год.

как жертву примирительную! — я было и рукава засучил! Вырвался, проклятый; бог с ним, чёрт его поберет.

Вяземский советует мне напечатать «Твои очи» без твоего позволения. Я бы рад, да как-то боюсь. Как думаешь — ведь можно бы — без имени?»

Пушкин — Д. В. Давыдову. 1836.

«Посылаю тебе того удалца-партизана, о котором писал тебе; ты увидишь, что писал правду. Он может пройти бодро и смело мимо Ценсурного комитета, не ломая шапки, а в случае наприза наплевать членам в глаза, — так, — здорово живешь, от нечего делать,

чтобы показать, что никого не боится. Прочти со вниманием эту статью и исправь слог ее, потому что я ее писал сплеча, наскоро, — а между тем заметь: мысль богатая. Это открытие нового рудника силы империи и намена, как из него бить монету славы. Недостаток статьи состоит в гомеопатической ее краткости, что вовсе не действует на наших государственных мужей; у них горлы аллопатическими широние и любят глотать огромные пилюли, хотя бы они сделаны были из одного белого хлеба. Я это знаю, и потому статья, и тебе посылаемая, есть только вступление к сочинению довольно обширного размера: Опыт партизанского действия, некогда мною изданного и теперь совершенно переделанного...»

Д. В. Давыдов — Пушкину. 1836.

кратно упоминает о Пензе в своих письмах.

В современной Пензе сложилась добрая традиция торжественно отмечать память выдающихся деятелей отечественной культуры, литературы, науки, бывавших и живших в городе. Великолепные музеи, памятники, мемориалы, открытые в последние годы в городе

на Суре, говорят о высокой культуре и понимании значения прошлого, истории своего народа, родной земли для успешного движения вперед.

Недавно у памятника поэту-партизану, в сквере, носящем его имя, состоялся литературный митинг, посвященный Денису Васильевичу Давыдову, его

«Сделай милость отсеки весь хвост у статьи моей О партизанской войне, — от самого слова «в отдельных действиях» и приставь хвост, тебе посылаемый. Кажется, этот будет лучше. При всем том прошу поправить слог как в нем, так и во всей статье. Я их писал во все поводы, следственно, пересканивал чрез ночни и канавы; надо одни сгладить, другие завалять фашинником, а твой фашинник из ветвей лавровых».

Д. В. Давыдов — Пушкину. 1836.

«Ты думал, что твоя статья о партизанской войне пройдет сквозь цензуру цела и невредима. Ты ошибся: она не избежала красных чернил. Право, кажется, военные цензоры марают для того, чтоб доказать, что они читают».

Тяжело, нечего сказать. И с одною цензурою напляшешься; как-то же зависеть от целых четь-рех?..»

Пушкин — Д. В. Давыдову. 1836.

«Я совсем переселился в Москву; живу в собственном доме на Пречистенке (бывшем доме Бибиной). Слышу, что вышел 3 номер Современника, в котором и Партизан мой и Башилов, — пожалуй, присылай скорее этот номер, дай взглянуть на моих детищ; да не забудь прислать и пострадавшего в битве с цензурою, ты давно мне это обещал: мне рукопись эта и потому нужна, что нет у меня черновой; черт знает куда делась...»

Д. В. Давыдов — Пушкину. 1836.

Д. В. ДАВИДОВУ

При посылке «Истории Пугачевского бунта»

Тебе певцу, тебе герою!
Не удалось мне за тобою
При громе пушечном, в огне
Скакать на бешеном коне.
Наездник смирного Пегаса,
Носил я старого Парнаса
Из моды вышедший мундир:
Но и по этой службе трудной;
И тут, о мой наездник чудный,
Ты мой отец и командир.
Вот мой Пугач: при первом взгляде
Он виден — плут, казак прямой;
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

А. С. Пушкин

1836.

«Верю ли, что я по сию пору не могу опомниться — так эта смерть поразила меня! Пройдя сквозь весь пыл наполеоновских и других войн, многим подобного рода смертям я был виновником и свидетелем, но ни одна не потрясла душу мою подобно смерти Пушкина. Грустно, что рано, но если уже умирать, то умирать так должно, а не так, как умрут те из знаемых нам с тобою литераторов, которые теперь втихомолку служат молебны и благодарят судьбу за счастливейшее для них происшествие. Как Пушкин-то и гением, и чувствами, и жизнию, и смертию парит над ними. И эти навозные жуки думали соперничать с этим громодержавным орлом!»

Д. В. Давыдов — П. А. Вяземскому.
6 марта 1837.

Денис Давыдов писал о Пензе поэту Н. М. Языкову: «Холм, на коем лежит этот город, есть мой Парнас с давнего времени; здесь я опять принялся за поэзию». Великолепный цикл лирических стихов, посвященных Евгении Золотаревой, связан у Д. Давыдова с Пензой. Он любил этот город, часто бывал в нем, неоднократно

творчеству, тесно связанному с пензенским краем, роли героя-партизана в Отечественной войне 1812 года. Звучали стихи поэта, романсы на его слова.

Пензенцы первыми и достойно отдали дань памяти славному сыну России.

В. ПЕТРОВ

Людмила Федоровна
Логовичева,
бригадир виноградарей.

РОЖДЕНЫЕ Х

Страда
в личном
хозяйстве.

в колхозе
«Украина».

М

1

олодое крымское лето ждало дождей. Ни давняя осень, ни «сиротская» южная зима не утолили жажды земли; на беду и весна осадками не радовала, переборщив с «беспронимательной» чередой нестерпимо безоблачных дней. А воды крымским полям надо много, очень много. Они нынче поднимают, держат достаточно тяжелый урожай многолетних, винограда, трав, зерновых, кукурузы... Раньше двух дождей хватало, тогда двадцать центнеров яровой пшеницы считались достойными высокой похвалы и справедливых наград, что было в жизни степняков, довоенных колхозников, редкостью. Теперь преобразенный трудный Крым ведет счет совсем иной; точнее, счет ведут крымчане, земледельцы нового поколения, получившие воду бесчисленных артезианских колодцев и днепровскую воду из Северо-Крымского канала. С приходом воды в области возросла сила гектара. Соответственно поднялись и планы-задания, так что легче тут жить не стало. Виноградники и сады — это труд, труд и еще раз труд. С богары какой спрос, а поливной гектар работает за четыре суходольных. Должен работать. Так что солнце степного Крыма радуется человека стороннего, а самих крымчан тревожат мысли вечные как мир. Конечно, агрономы стараются перехитрить летний сухой, они позаботились о севе пораньше, о достаточной влагозарядке, о гербицидах и сильных сортах, о подкормке юных растений, — подтолкнули их развитие; и озимые на моих глазах уверенно уходили от невзгод без дождей, от июня, который здесь, на полуострове, частенько суров, то есть безоблачен.

Ни первая, ни вторая очереди действующего через силу канала не закрыли проблем поливного земледелия. Третья очередь осталась на бумаге, ей еще надо суметь попасть в 12-ю пятилетку. Сроки полного освоения системы отодвинулись, а это прямой убыток.

Подобная природно-климатическая преамбула в повествовании о буднях сельчан привычна и неизбежна, потому что будни эти, вся жизнь на селе во многом зависят именно от погоды.

И вовсе не светской формулы, не знакомства ради начинали крымчане любой разговор с погоды. Что несет, обещает к вечеру или на завтра размытый далью горизонт? Откуда ве-

ЛЕБА

же каждый раз новый шаг в направлении к лучшей жизни. А лучшая жизнь — лучший агитатор за колхозное житье-бытье, за труд в колхозе, родном селе. Вот остались тридцать выпускников в колхозе за два последних года, и веселее думается председателю о завтрашнем дне «России». Да столько же юношей и девушек уехали учиться с обещанием обязательно возвратиться домой с дипломами, свидетельствами специалистов. Тоже шаг, и не легкий. Председатель рад за тех молодых, кто отважился на такой шаг — выбрал село как поле деятельности и обитания. Серьезный выбор, выбор государственной важности.

Молодым помогает и то, что в колхозе не только говорят об их судьбах, но и много делают для того, чтобы дети колхозников вовремя осознали себя, свои возможности и определили сами, что есть мечта, что — призвание, в чем нужда страны и села.

ку или сто рублей на руки, а также бесплатно топливо и автотранспорт по просьбе. Денежные прибавки от колхоза получают вдовы солдат Великой Отечественной, все участники войны, все инвалиды. Причем прибавка инвалидам составляет 30 рублей плюс тринадцатая зарплата к 9 мая каждого года.

5

— Пошел в школу, — бросает своему секретарю Владимир Иванович, и та знает, что председатель озабочен, занят так же, как и тогда, когда едет на сессию областного Совета или на базу «Сельхозтехники», или в киевские инстанции. Однажды в разговоре с юным поколением родилась идея парка. Да, почему бы не посадить дендрологический парк? Есть в колхозе сады, и прекрасные. Сады в степи. Ах, персиковый сад в часы его цветения!..

Владимир
Иванович
Криворотов.

Как привлечь юных к работе в поле, саду, на ферме? Правление колхоза «Россия» давно постановило платить начинающим на сорок процентов больше принятых расценок. Вот и посчитайте, сколько получает здесь молодой человек. В среднем за рабочий день здесь выплачивают 9 рублей 34 копейки. Плюс сорок процентов. Это в течение первого года работы. В течение второго плюсуется тридцать процентов, а на третий год — двадцать процентов. Интерес прямой.

И старикам не только почет. Работающему пенсионеру всегда причитается надбавка до двадцати процентов к оплате. Кстати, минимум колхозной пенсии — 50 рублей, почти вдвое выше, чем рекомендовано райсобресом. Далее. В «России» более ста — почти каждый седьмой — пенсионеров носят звание «Заслуженный колхозник». Сами придумали и установили звание для ветеранов труда — общее собрание голосовало «за». Такой человек получает 50 рублей к пенсии, бесплатную путе-

Мысль о дендрологическом парке вызвала откровенное недоумение, только не у детей, а у единомышленников председателя, у тех, кто решает: быть или не быть. Тем более давно на центральной усадьбе есть небольшой парк: акация, тополь, елочки-сосеночки... И все-таки убедил Владимир Иванович. Всем миром под музыку в честь 50-летия колхоза сажали диковинные привозные деревца неведомых пород. «Дендрология» — осваивали новое слово стар и млад. Появился в колхозе и свой дендролог, потом еще один. Двенадцать гектаров занял новый чудной парк, — а в степи это немало. Щедро. И не для себя — для внуков та щедрость. И доброта мысли, осуществленной мечты. Была степь безводной, зеленого цвета не знала. А теперь — платаны, орехи, сосны, туя, кипарисы.

Вращивание душ — процесс, требующий долготерпения. И чтобы никаких отступлений от слова, от плана, никакой фальши. Владимир Иванович книголюб, любит музыку и песни, он

давным-давно мечтал о хоре, о музыкальной школе. Мечтал — даже не то слово, он планировал, убеждал, собирал, проверял, доставал, требовал, помогал. Наконец его начали «понимать»: самодеятельность отвлекает да и престижное дело!.. Нет и нет, — возражал «понявшим» Владимир Иванович. Самодеятельность не громкоговоритель и не витрина. Самодеятельность — источник духовного развития, возможность проявить себя еще и с другой стороны, помимо сугубо профессиональной, утилитарной... «Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается», — эпически пишет в своей книжке Криворотов.

Но дело делалось. Хотя ушли годы и годы. Сначала рационалисты уступили «прихоти» начальства, потом пламень творчества охватил, объединил энтузиастов.

Теперь в колхозе три коллектива художественной самодеятельности заслужили звание народных. Хор, оркестр, танцевальный коллектив. Дирижеры, балетмейстеры, методисты, художники, режиссеры — специалисты колхоза. Есть тут и свой кукольный театр.

Компас в море прекрасного один — мысль, высказанная Василием Макаровичем Шукшиным: в деревне никогда духовные потребности не были меньше, чем в городе. Мысль эта присутствует в заметках председателя колхоза. Он еще и додумал: «Удовлетворение духовных потребностей молодых селян никогда не будет лишним, избыточным или дорогостоящим». Забота о духовном — не разовая кампания, не увлечение дня. Партком о здоровье коллектива спросит строго с любого из девяти управляющих отделениями. Как за молоко или мясо.

Еще из книжки «Тобой засеянная нива»: «Почему-то некоторым председателям колхозов, которых я знаю, кажется, что на этой должности несolidно заниматься такими делами, как беседа с детишками в детском саду или в школе, обсуждение новой книги, нового фильма, либо только что приобретенной картины, выставленной в Доме культуры... Знаю, что иной и хотел бы заняться, поговорить по душам с новым поколением его села, да вроде бы стесняется. Еще авторитет потеряешь!.. Это — заблуждение. И оно дорого обходится селу, колхозной экономике».

«Им засеянная нива», — подумал я о малой книжке сей и об авторе, который так изменился за время наших не встреч...

— В минувшем году я как председатель правления принял почти тысячу человек, а точнее — девятьсот восемьдесят шесть. Многие, конечно, пришли с просьбами личного порядка. Многие, но не большинство! Не большинство... Ко мне давно уже приходят не просители, но авторы! Авторы производственных предложений.

Все большее число наших людей вовлечено в нескончаемый поток хозяйственных забот. Забот общественных, требующих выхода гражданской активности, инициативы. Есть, есть у нас свои идееносители. Колхозный мозговой центр. Не случайно из нашего коллектива вышли на иные орбиты три председателя соседних колхозов, один директор совхоза, два заместителя председателя райисполкома...

— Что же им придало такое ускорение?

— Чувство ответственности. Окрыляющее чувство.

* * *

Ответственные за расцвет. Ответственные за землю трудных полей. За все живое на земле плодородящей. Такие люди все чаще и чаще встречаются в поездках. Есть они и в Крымской области. Есть они и в ордене Ленина колхозе «Россия». Один из них — Герой Социалистического Труда Владимир Иванович Криворотов. Человек новой социально-экономической тенденции. Ответственный человек. Сеющий, пишущий. По-моему, он счастлив перегрузками дня. Я уезжал от него с тем, чтобы непременно к нему вернуться. Подпитаться от его аккумулятора? Мысль воплощенная стоит того! Владимир Иванович — обладатель огромного опыта жизни конструктивной, плодотворной. Его не убудет. Тут свой закон воспроизводства.

...Земля ждала дождя. Люди надеялись на себя. Посевы и сады — на людей.

СОХРАНИТЬ НАВЕЧНО

интервью «Огонька»

Старинные редкости, мебель прошлых веков, изделия из кости, фарфор, стекло, хрусталь, ткани, древние иконы, деревянная и каменная скульптура, музыкальные инструменты, античные амфоры, платье, ювелирные украшения, произведения живописи и еще многое и многое, на что потребовался бы список в несколько страниц, — вот выставка «Реставрация музейных ценностей в СССР», проходившая недавно в Москве. Огромную экспозицию Центральный Дом художника смог вместить с трудом; посетителю же, чтоб осмотреть ее как следует, нужно было потратить столько же времени, как и на осмотр большой галереи. И тем не менее, несмотря на то, что это был, быть может, самый полный из всех бывших ранее отчет наших двух тысяч мастеров реставрационного дела, несмотря на то, что показывалось только лучшее, выставка не смогла представить и одной десятой даже этого лучшего.

Необычной могла показаться экспозиция на первый взгляд — от роскоши экспонатов пестрило в глазах: иконы домонгольского периода соседствовали там с витриной, демонстрировавшей гусарский ментик и доломан, рядом с головинской «Испанкой на балконе» помещалась прекрасная работа неизвестного портретиста XVIII столетия, а «Бурлаки на Волге» были вывешены неподалеку от древнеегипетского саркофага. Но необычность эта была необычностью только на первый взгляд, ибо громадная выставка, соединяя художнические произведения совсем не так, как мы привыкли к этому в музеях, открывала новую перекличку времен и имен: то перекликалось искусство, спасенное от гибели.

Итак, представляли свою работу реставраторы Эрмитажа, Русского музея, Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, Государственной Третьяковской галереи, Всероссийского художественного научно-реставрационного центра имени академика И. Э. Грабаря, Государственного Исторического музея, музеев Московского Кремля, объединений «Союзреставрация» и «Росреставрация», реставрационных мастерских Украины, Белоруссии, Азербайджана, Грузии, Литвы, Эстонии, Латвии, Всесоюзного научно-исследовательского института реставрации...

Мы обратились к одному из организаторов выставки, заслуженному деятелю искусств РСФСР С. В. Ямщикову, с просьбой рассказать об этом грандиозном отчете советских реставраторов.

— Рассказать исчерпывающе о поистине необъятном, конечно же, невозможно. Но сейчас, когда экспозиция стала свершившимся фактом и заслужила самую высокую оценку специалистов и десятков тысяч зрителей, мы получили возможность подвести итоги пятилетнего труда по ее подготовке.

— Эти залы будто зеркало, отражающее работу реставраторов. Чей же вклад в спасение шедевров искусства наибольший?

— На этот вопрос ответить нельзя. Быть может, главный вклад зрителя эрмитажных картин в 1797 году А. Ф. Митрохина, которого можно считать основателем нашей реставрационной национальной школы, ибо именно он впервые применил дублировочный холст и перенес живопись с одной основы на другую. А быть может, главный вклад внесли сегодняшние эрмитажные реставраторы, с помощью великолепной техники обнаружившие подготовительные рисунки углем под красочным слоем полотен Рафаэля, Луки Лейденского, итальянских и испанских художников XV—XVI веков, выявившие угасшие авторские подписи Боровиковского и Латура, подтвердившие подлинность нескольких произведений итальянской школы времен Возрождения, проводившие многочисленные анализы археологической бронзы и латуни, серебряных монет из восточных кладов, восстановившие множество египетских папирусов и такие шедевры, как фанагорийские сосуды «Сфинкс» и «Афродита в раковине», знаменитую кумскую «Царицу ваз», расписные танагрские статуэтки, изделия из малахита, лазурита, цветных мраморов, яшм, агата, коралла, перламутра, русскую, флорентийскую и римскую мозаики, драгоценную мебель Рентгена...

— Вот видите, сколько вы говорите об Эрмитаже, да и раздел его, пожалуй, был на выставке самый большой.

— О самом маленьком разделе я мог бы говорить тоже много. Например, ростовские реставраторы показали на выставке возрожденные ими почти из небытия (в таком плачевном состоянии они были) уникальные портреты донских казаков XVIII—XIX веков из фондов Старочеркасского историко-архитектурного музея-заповедника и Новочеркасского музея истории донского казачества. Эти портреты интересны не только тем, что передают сходство исторических лиц, но и психологической их трактовкой. В основном это парадные портреты. Модели позируют в богатых одеждах, с оружием и знаками власти. Казак — прежде всего воин, и атрибуты доблести, оружие — его гордость. Особенно интересно сработаны художниками орденские ленты, рукоятки шашек и шитые пояса, замысловатые орнаменты на одежде. Но при всей постановочности в лицах переданы сложные гаммы чувств

и настроений. Это относится к портретам и атамана войска Донского Даниила Ефремова, и генерал-майора Тимофея Грекова, и знаменитого атамана, героя 1812 года Матвея Платова. В основном казацкие портреты написаны неизвестными художниками, но бывали и открытия: когда с «Портрета богатого казака» удалили дублировочный холст, объявилась красивая вязь — «Трудов Андрея Жданова 1790 год». Такое свидетельство об авторе-казаче — событие.

— Как полно представили музеи и реставрационные организации свою работу?

— Нашу работу нельзя показать полно, для этого надо было бы целиком привозить картинные галереи и музеи, поскольку почти ко всякому хранящемуся там экспонату так или иначе прикасалась рука реставратора. Возьмем Государственный музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Классическими стали реставрации, проведенные там в конце двадцатых и в тридцатые годы А. Яковлевым и П. Коринным таких произведений, как «Форнарина» Джулио Романо, «Сатир в гостях у крестьянина» Иорданса, «Александр перед телом Дария» Гварди, «Артаксеркс, Аман и Эсфирь» Рембрандта. Показал же Пушкинский музей не их, а новую работу — «Мадонну с младенцем и ангелами» Лоренцо Лотто — картину известнейшую, не раз воспроизводившуюся в альбомах, только без ангелов, ибо именно их и открыли недавно из-под записей реставраторы музея.

Или возьмем Всероссийский художественный научно-реставрационный центр имени академика И. Э. Грабаря — старейшее специализированное реставрационное учреждение, выполняющее все виды работ по восстановлению музейных экспонатов. Ежегодно тут спасается до двух тысяч произведений изобразительного и прикладного искусства, и в числе сделанного — произведения Андрея Рублева, Феофана Грека, Дионисия, Крамха, Сурбарана, Тьеполо, Левицкого, Рокотова, Боровиковского, Репина. Но показывал центр в основном пастели — беспрецедентную свою работу, относящуюся к наивысшей категории сложности.

Пастель — сухие мелки, нанесенные на картон, замшу, пергамент: дунь — и улетит пыльца. Но ведь пыльца эта — живопись Шардена, Латура, Кипренского, Тропинина, Венецианова, Сорокина, Бакста. Тут-то и понадобились поистине виртуозы по реставрации графики во главе с опытной Е. А. Костиковой: они возродили десятки русских пастельных портретов XVIII — начала XX веков, они спасли от полного разрушения, плесени, выпадения грунта произведения Аргунова, Малютина, Борисова-Мусатова.

— Большой интерес вызывали на выставке древнерусские музыкальные инструменты. Несколько слов, Савелий Васильевич, пожалуйста, об этой работе новгородцев.

— В коллекции новгородских древностей, собранных при археологических раскопках города, особое место занимают средневековые музыкальные инструменты, открывшие как бы новую страницу в истории русской культуры. В раскопках были найдены практически сгнившие остатки гуслей, гудков, сопелей и варганов. Новгородские находки, собственно, открыли музыку Древней Руси. Восстановив инструмент и сделав точную его модель, можно услышать диапазон звучания, тембр. За решение этой сложной задачи взялся сотрудник новгородской археологической экспедиции, художник В. И. Поветкин. Им были восстановлены таким образом старинные новгородские инструменты, а помогли Поветкину историки, этнографы, фольклористы и даже акустики.

— Как собиралась в целом эта огромная экспозиция?

— Всесоюзный научно-исследовательский институт реставрации, закладывая основы будущей выставки, прежде всего учитывал опыт всех предыдущих, посвященных различным реставрациям. А опыт этот был немалый.

Изданный в октябре 1918 года «Декрет о регистрации, приеме на учет и охране памятников искусства и старины, находящихся во владении частных лиц, обществ и учреждений» сыграл важную роль в деле планомерной работы по сбору и раскрытию памятников старой русской живописи.

Тщательно изучая иконостасы и ризницы известных архитектурных комплексов, таких, как соборы Московского Кремля, храмы Троице-Сергиевой лавры и монастыри Новгорода, устраивая научно подготовленные экспедиции по течению Волги и Северной Двины, Всесоюзная реставрационная комиссия — будущий центр имени И. Э. Грабаря — за период с 1918 по 1927 год провела три интереснейших отчетных выставки.

Вновь открытые памятники могли прославить любую художественную галерею мира. «Секция живописи» выставила законченные к тому времени все иконы деисусного и праздничного ярусов Благовещенского собора Московского Кремля, знаменитую «Троицу» Рублева, чин Звенигородского Успенского собора на Городке... — так скромно, языком делового отчета написано во вступлении к каталогу III реставрационной выставки. А ведь здесь, кроме названных шедевров, были

Н. Ге. 1831—1894. МАЛЬЧИК-УКРАИНЕЦ. Начало 1890-х гг.

Всесоюзная выставка «Реставрация музейных ценностей в СССР».
Киевский музей русского искусства

И. Репин. 1844—1930. БУРЛАКИ НА ВОЛГЕ. Фрагмент. 1870—1873 гг.

Всесоюзная выставка «Реставрация музейных ценностей в СССР».
Государственный Русский музей.

А. Головин. 1863—1930. ИСПАНКА НА БАЛКОНЕ. 1911 г.

Всероссийская выставка «Реставрация музейных ценностей в СССР».
Государственный Русский музей.

представлены бесценные жемчужины древнерусского искусства XII—XIII веков. «Устюжское Благовещение», «Дмитрий Солунский», «Спас Златые Власы», «Ярославская Оранта» — далеко не полный перечень икон домонгольского периода, раскрытых большими мастерами реставрации Г. Кириковым, П. Юкиным, Н. Барановым, Н. Брягиным под руководством академика И. Грабаря, в течение многих лет стоявшего у руля нашей реставрационной науки.

— Но ведь от тех первых трех выставок прошли десятилетия. Те самые десятилетия, в которые, собственно, и утверждалась наша реставрационная школа.

— Действительно, III и IV реставрационные выставки разделяют почти сорок лет. В методике сохранения и изучения памятников искусства за это время многое изменилось. Тяжелые последствия войны потребовали от реставраторов полной отдачи сил. Восстанавливая разрушенные памятники архитектуры, они не оставляли без внимания и музейные коллекции. И когда в 1963 году в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина открылась IV выставка Государственной реставрационной мастерской, стало ясно, что реставрация — самостоятельная отрасль современной науки, призванная сохранять жизнь шедеврам мирового искусства.

Потом за двадцать лет в различных городах нашей страны и за рубежом было показано более пятидесяти выставок, составленных на материалах реставрационных работ. Выставки являлись разными по своему составу и по целям, которые преследовали их устроители. На стендах размещались вновь открытые произведения отдельных живописных школ Руси — живопись древней Карелии, живопись древнего Пскова, живопись Ростова Великого, живопись вологодских земель в средневековье. Надолго остались в памяти зрителей выставки монографические, персональные, где творческие судьбы художников и загадки, связанные с их наследием, удалось прочесть реставраторам лишь совместно с музейщиками — «Дионисий и искусство Москвы XV—XVI столетий», «Солигаличские находки», «Семен Спиридонов и Федор Зубов — живописцы XVII века», «Ефим Честняков — художник сказочных чудес», «Мастер Куликовской битвы». Целые разделы вписаны в историю отечественного искусства после реставрации и изучения портретных коллекций провинциальных музеев.

— Понятно, что отбирать экспонаты, самые выразительные из сотен и сотен, было очень трудно. Расскажите, пожалуйста, об этом.

— Когда мы вместе с одним из ведущих реставраторов, заслуженным художником РСФСР Сергеем Голушкиным, отправились в первые «разведывательные» командировки по созданию основы Всесоюзной реставрационной выставки, нам и в голову не могло прийти, что эти поездки превратятся в длительное путешествие в страну открытий, способную поразить даже опытных специалистов с многолетним реставраторским стажем. Одно дело — статистика и цифры, которыми мы руководствовались, приступая к устройству выставки. Они, конечно, впечатляли: тысячи музейных реставраторов, десятки лабораторий, мастерских, центров, тысячи восстановленных произведений искусства. Но какими прозаическими и скучными стали все эти данные после непосредственного знакомства с людьми, которые продляют жизнь творениям старых мастеров. После непосредственного знакомства с результатами их работы.

— И в заключение. Эта выставка очень значительна по своему внутреннему содержанию: ведь реставраторы не только спасают мировое искусство от разрушения, не только открывают его неведомые ранее образцы, но и связывают это искусство в единый клубок, демонстрируя взаимообогащение культур разных стран и народов земли.

— Да, это было хорошо видно на нашей выставке. Двадцать пять разделов, где представлено свыше тысячи экспонатов, включали в себя лучшее, что сделано мастерами реставрации. Хронология восстановленных памятников — от третьего тысячелетия прошлой эры до наших дней; география — почти все страны мира, почти все народы нашей страны.

Деревянная скульптура Белоруссии, собранная по крупинкам на многострадальной, буквально растерзанной войной земле, звучала торжественным хоралом во славу народных мастеров, так легко и умело обращавшихся с великолепным материалом и придававших ему самые сложные формы.

Украинские реставраторы одинаково профессионально представляли восстановленные местные иконы и произведения западноевропейской живописи, содержание в идеальном порядке акварелей Айвазовского и Волошина, холстов Шевченко и народных картин с изображением казака Мамая. А Центр научной реставрации музейных ценностей и реликвий Азербайджана показывал ковры старинных азербайджанских мастериц, восстановленные их не менее одаренными потомками, освоившими сложные секреты древнего коврового искусства.

Когда мы ездили по нашей стране, мы решили: надо обязательно давать примеры возрождения памятников национального искусства. Вот почему так разнообразен и красочен колорит выставки, где переплелись драгоценная живопись икон, изысканные узоры старинного шитья Грузии и строгая красота тысячелетнего искусства республик Прибалтики.

В этом сочетании будто бы крылась опасность эклектики, и среди многочисленных проблем, с которыми мы сталкивались, нас больше всего волновала проблема разнохарактерности экспонатов, созданных в разных странах и в разные эпохи. Но, объединенные ключевым началом выставки — ее реставрационной сутью, — удивительно гармонично смотрелись буддистские бронзовые скульптуры рядом с русскими пастельными портретами, а полотна мастеров итальянского Возрождения рядом с китайскими свитками. Все это объединялось талантом их творцов. Все это объединялось талантом их спасителей.

Беседу вел А. БАСМАНОВ.

Нейман.
Панорама Риги.
1791 г.
(После реставрации).
Музей истории
г. Риги
и мореходства.

Архангел Михаил.
XVIII в.
(После реставрации).
Музей
древнебелорусской
культуры.

Ковер. XIX в.
(После реставрации).
Азербайджанский
государственный
музей искусств
имени Р. Мустафаева.

Путь в науку Героя Социалистического Труда, лауреата Ленинской премии, депутата Верховного Совета РСФСР Ю. А. Овчинникова сходен со стремительным прогрессом современной биологии. Ему было немногим больше тридцати, когда он был избран членом-корреспондентом Академии наук, директором Института биоорганической химии. В тридцать шесть — академик, а через четыре года — вице-президент АН СССР, самый молодой за всю историю академии.

В эти дни Юрию Анатольевичу Овчинникову исполнилось пятьдесят лет.

Как же начиналась его биография?

Представьте себе далекую сибирскую деревню, куда из-под бомбежки Москвы эвакуировалась в теплушке молодая женщина с тремя маленькими детьми. Четверо ртов, а зарплата одна — учительницы немецкого языка. Вспоминая о своей матери с грустной нежностью, Юрий Анатольевич признается, что, только став взрослым, понял, как трудно тогда ей пришлось.

Мальчик попадает к учителю химии А. Н. Богуславскому, упорно ставшему будущему академику четверки по любимому предмету. Эта «четверка» заставила его выучить химию не на пять, а на шесть.

Потом, в МГУ, он попадает к химику Юрию Александровичу Арбузову, ставшему его первым учителем в науке. Когда же, будучи уже аспирантом, он неожиданно принимает решение расстаться с любимой химией и заняться биологией, в институте академика М. М. Шемякина недавнего «младшего научного»... назначают заместителем директора.

Случайность? Нет, закономерность. Причина тому личные качества Юрия Анатольевича: талант исследователя, адская работоспособность, умение переключиться на новое направление и, если необходимо, учиться заново.

Таким новым направлением является сейчас физико-химическая биология, охватывающая самые различные стороны изучения живой клетки, тайны жизни, — наука, в которой трудится Ю. А. Овчинников.

К ТАИНСТВАМ ЖИВОГО...

Вице-президент АН СССР,
академик
Ю. А. ОВЧИННИКОВ

— Недавно два города нашей страны, Москва и Алма-Ата, были центром притяжения биохимиков планеты. Здесь проходили Конференция Федерации европейских биохимических обществ, президентом которой вы являетесь, и международный симпозиум «Перспективы биоорганической химии и молекулярной биологии».

Юрий Анатольевич, расскажите, пожалуйста, чем сегодня живет эта увлекательная область знания?

— «Визитная карточка» физико-химической биологии, родившейся на стыке комплекса знаний, составляющих науку о живом, — союз биохимии и биофизики, молекулярной биологии и биоорганической химии. Уже не сенсационным, а рядовым днем этого научного направления стало не только познание сущности процессов жизнедеятельности, а управление ими в интересах людей. Именно на прогресс биологических знаний возлагает сегодня человечество надежды в решении глобальных проблем, одинаково значимых для всех людей: будь то проблемы продовольствия, охраны окружающей среды или излечения от тяжелых недугов.

Кажется, еще совсем недавно были расшифрованы принципы строения основного вещества наследственности — знаменитой двойной спирали ДНК, а ученые уже научились перекраивать ДНК по своему усмотрению, манипулировать ее главными элементами — генами, получая искусственные, или, как принято говорить, рекомбинантные, генетические молекулы. Именно на основе методов генетической инженерии возникла современная отрасль биотехнологии, получающая название «индустрия ДНК». Главными объектами генетической инженерии являются пока микроорганизмы, но уже намечились реальные предпосылки такого подхода в мире растений, сделаны первые попытки вмешательства в менее изученный наследственный аппарат животных.

Эксперименты в генетической инженерии необычайно сложны. Но тем не менее темпы работ в этой области нарастают стремительно.

Например, из клеток человеческого организма удалось выделить гены, ответственные за биосинтез важнейших регуляторных белков — гемоглобина, инсулина, интерферона и других. Затем эти гены были встроены в ДНК быстрорастущих микроорганизмов, и таким путем оказалось возможно получать ранее совершенно недоступные биорегуляторы человеческого организма. Это лекарства новой эры, они естественны для человека и в то же время представляют собой универсальные средства борьбы с вирусными заболеваниями, диабетом, болезнями крови...

Каковы цели? Естественно, для фундаментальной науки это наиболее эффективный путь изучения наследственного аппарата, его структуры и функций, и прогресс в этой области огромен. С практической же точки зрения — создание совсем иных микроорганизмов, обладающих рекордной продуктивностью. В растениеводстве — получение принципиально новых гибридов с высокой урожайностью и максимальной устойчивостью к неблагоприятным факторам среды. Сходные задачи в будущем удастся решать и в животноводстве.

Не будет преувеличением сказать, что учение о живой материи вступило в новую эпоху. Но далеко не все проблемы уже решены, и тайн в исследовании живого осталось не меньше.

— Вы выпускник Московского университета. Какие качества помогли вам сформировать университет как высшая школа и школа жизни? Словом, МГУ в вашей судьбе.

— Если попытаться предельно кратко выразить мысль единой фразой, то, думаю, университет дал мне широту восприятия мира. Честно говоря, поступив в МГУ, я увидел себя в совершенно ином свете. Все мои прежние представления об уровне моих знаний резко изменились. Сразу стало ясно, как мало я знаю.

В стенах МГУ получил доступ к

общению с самыми великими свершениями мысли человеческой, с реальной историей, которой отмечено в университете все: дела, помещения, книги. Громада знаний могла как-то подавить и растворить в своем потоке. Легко было бы поплыть по этому течению, но меня собственное малознание мобилизовало на работу. В МГУ научился трудиться так, что у меня стирались грани между ночью и днем. Так что, если говорить о качествах, полученных в «alma mater», то, выделю, пожалуй, одно из главных — стремление к широкому, универсальному знанию. Необходимость постоянно работать над собой, чтобы хоть как-то немножко приблизиться к тем высотам науки, которые ощущаешь, едва переступая порог университета.

— Сейчас проходит реформа средней школы. Невозможно за ней последует реформа высшей. Каким вам видится будущее университета в подготовке научных кадров?

— Ученый не только сегодняшнего дня, но и грядущего — это человек широких взглядов и, я бы сказал, решительных, масштабных действий. Университет — идеальное заведение для развития этих качеств. Он в силу своей универсальности как бы уравновешивает наблюдающуюся тенденцию узкой специализации в науке, заставляет специалиста шире и увереннее смотреть на проблемы. Ведь, работая в биологии, нельзя не вникать в вопросы современной физики, химии и математики. Поэтому будущее за такой широкой формой подготовки специалистов.

В стенах вуза студент должен получать научную информацию от ее создателей. Если в лекционных курсах это сделать проблематично, то для ведения семинарских, практических занятий необходимо привлечение именно исследователей. Думается, подобная форма организации учебы в вузе поможет выпускнику университета не только ориентироваться в совре-

менных методах и проблемах науки, но и сразу же браться за дело. Потери времени на раскату, адаптацию в университетах недопустимы.

— Десять лет назад вы возвратились в «alma mater», но уже в качестве заведующего кафедрой, и наряду с научной и общественной деятельностью занялись преподаванием. По несиольку раз в неделю встречаетесь со студентами...

— Скажу честно, я бегу, лечу на лекции. Получаю такой свежий заряд мысли, который может быть лишь в студенческой среде. Нередко непредсказуемые суждения или вопросы ребят помогают увидеть по-новому уже достаточно глубоко исследованную проблему.

Общение со студентами заставляет более критично относиться к аксиомам в науке, трезво оценивать собственные поиски.

...Сколько таких поисков, переключений, когда надо учиться заново, было в биографии ученого.

В кратчайшие сроки колленивую химию, где он работал, удалось синтезировать антибиотин — тетрацилин, ныне всем известное лекарство. Работа мирового класса. Казалось, дальнейший поиск ясен. Антибиотики необходимы. Они так загадочно-фантастически устроены. Захватывающая перспектива для молодого исследователя.

Но все вышло по-иному. Вызвал М. М. Шемякин и отрезал: «Тетрацилин бросить. Заниматься будете пептидами — «маленькими» белками».

Снова перестройка, учеба. Практически заново. И опять-таки меньше чем за год были получены результаты мирового уровня. Оказалось, что по принципу депсипептидов построены многие активные вещества и важнейшие антибиотики. Когда Юрий Анатольевич в 1961 году докладывал на Международном конгрессе в Оксфорде результаты работ советских ученых, председательствующий — профессор Леонидас Зервас назвал этот день «русским».

— В вашей научной биографии больше побед, но ведь случались и поражения. Как вы думаете, что труднее — испытание неудачей или успехом?

— Пережить успех и выйти из него несравненно сложнее, чем перенести неудачу. Мне кажется,

Юрий Анатольевич Овчинников выступает на заседании Президиума АН СССР.

Фото В. Генде-Роте

испытание успехом иногда ломает человека в нежелательном направлении. Чтобы справиться с успехом, надо понять его относительность.

— Как вы относитесь к собственной известности, славе?

— С пониманием того, что славу и известность создают мнения людей относительно каких-то твоих заслуг. Если не ценить общественного мнения, то очень легко потерять уважение к людям и к себе. Поэтому дорожу известностью не как неким искусственно принесенным атрибутом, просто хочу оправдать хорошее мнение обо мне людей.

— Юрий Анатольевич, как бы вы оценили тот внутренний стержень, который укрепляет душевную стойкость ученого, дает ему силы переносить разочарования, неизбежные в любом настоящем деле, в частности в науке?

— Если ученому повезло хотя бы раз испытать ни с чем не сравнимую радость впервые познать, то он крепко становится на ноги. Ту самую радость, заставляющую иногда, оглядываясь на пережитое... улыбаться. Это очень важно — с улыбкой оценивать минувшее.

И второе, не менее ценное, — осознание пользы полученных результатов для общества. Все это окрыляет необычайно и дает силы, когда тебя постигают неудачи, продолжать работу.

— Что вы считаете главной удачей в жизни?

— Прежде всего — людей, с которыми мне повезло встретиться и работать.

— Были ли у вас в жизни, науке, часы, которые можно назвать «звездными»?

— Наверное, такими моментами жизнь баловала меня нередко. Можно было бы сказать о наградах. Но их воспринимаешь как нечто пришедшее на смену того самого «звездного» часа, когда ты работал. Наиболее яркие, па-

мятные моменты связаны с гордостью за советскую науку, которую испытываешь от удачных наших докладов на международных симпозиумах.

Порой трудно объяснить, почему те или иные минуты можно назвать счастливыми. Они, как мне кажется, связаны все-таки со спецификой человеческой природы. Бывает порой, что внешне неприметный для многих факт вдруг играет колоссальную роль в твоей жизни.

— Ваша постоянная занятость выработала у вас качества, которые помогают справиться с огромным объемом работы. Но, возможно, вы замечали за собой свойства характера, от которых хотелось бы избавиться?

— Пожалуй, сама жизнь заставила меня быть организованным. Поздним вечером и ранним утром привык мысленно «переживать» события предстоящего дня, иногда столь плотные, что приходится рассчитывать все буквально по минутам. Постоянный дефицит времени, возможно, и порождает некоторые из моих недостатков. Признаюсь, их у меня немало. Прежде всего хотел бы избавиться от внешней эмоциональной несдержанности, резкости суждений, которые свойственны мне бывают в запальчивости дискуссии.

— Юрий Анатольевич, чем глубже проникает наука в «священные» — жизнь, тем, по-видимому, меньше остается места для домыслов — почвы для суеверий. Как вы, человек науки, относитесь к суевериям, приметам?

— Серьезной связи между, скажем, черной кошкой, перебегающей дорогу, и неприятностями наблюдать не приходилось. И хотя пение петуха и перемена погоды тоже не имеют серьезных взаимосвязей (он кукарекает по другой причине), к подобным приметам отношусь вполне здраво. Ибо они основаны на многолетних наблюдениях, народной мудрости.

Вониственно негативно отношусь к суевериям, приобретаю-

щим в последнее время научное обличье типа биополя или экстрасенса. Нельзя, разумеется, отрицать того, что есть люди, выдающиеся по своим способностям, но концепция биополя, экстрасенсов абсолютно порочна. Мне, как биологу, приходилось доказывать это в прямом и честном споре с людьми, верящими в такие «чудеса».

Бороться с этим, скажу вам, не просто, потому что людям, недостаточно глубоко знакомым с научным пониманием биологических и психологических процессов, необходимо во что-то верить. С ними нужно найти правильный язык, умелый подход.

Как ученый, не могу не воевать против лженауки, как человек — понимаю слабость людей и потому отношусь к ним снисходительно. Было бы крайне неправильным отмахиваться от влияния суеверий, надо тщательно продумывать действия, когда мы имеем дело с заблуждающимся человеком.

— Помочь ученым в этом деле могла бы научно-популярная литература, пропаганда. Как вы относитесь к популяризации науки? В чем видите позитивные и негативные ее стороны?

— Современная наука сложна и действительно требует разъяснения широким массам ее проблем и трудностей. Ценю журналистов, которые становятся умными союзниками ученых. Избегаю поверхностных популяризаторов, которые могут дать превратное представление о науке, заботясь о «легкости» изложения больше, чем о донесении до читателя увлекательности и глубины проблемы. В диалоге ученого и журналиста должна быть найдена нить общения, при которой наряду с взаимопониманием сохраняется позиция, личностный взгляд каждого из них. Согласитесь, мастерство журналиста проявляется в личном отражении научных проблем.

Приходилось встречать популяризаторов, у которых не получи-

лось в науке. К слову сказать, и в журналистике поверхностный человек не достигнет многого. Убежден, что рассказ о науке под силу лишь умному, талантливому человеку.

Какой бы ни была сложной область знаний, необходимо дать читателю, зрителю, слушателю хоть немного самому задуматься над теми или иными явлениями. Надо приобщить его к исследовательскому поиску загадочного, не упрощая, не искажая сути дела.

К сожалению, зачастую популяризаторство носит чисто эмоциональный, развлекательный характер воздействия на человека. Стремясь завоевать и удержать интерес читателя, нередко показывают только привлекательную часть науки. Но эта сторона, как правило, не самая существенная. Скажем, в биологии имеются страшные по своим последствиям проблемы — болезни, вирусы, неизлечимые недуги... Не надо бояться их называть. Мне кажется, эти проблемы также должны быть известны читателю. Для популяризации можно сформулировать нечто вроде основной заповеди: чем серьезнее рассматриваемая проблема, тем строже должна быть логика, форма и многосторонность ее рассмотрения.

— Вы уже говорили о своих отношениях со студентами. А есть ли у вас какие-то связи со школьниками, с теми, кому еще предстоит выбрать свой жизненный путь?

— Конечно. Пожалуй, одна из наиболее дорогих для меня реликвий, которые я храню, — письмо учащихся Старобешевской школы под Донецком. Его подписали целых два класса. Ребята пригласили меня в гости. Оказавшись в Киеве по служебным делам, выбрал время — поехал. Нигде не испытывал такой радости от встречи с ребятами и ответственности за их доброе отношение ко мне. На всем четырехкилометровом пути от поезда до самой школы стояли... пионеры. Они салютовали. Конечно, так придумали учителя, и салют этот был не в мою честь, а в честь науки. Но важно, как к этому отнеслись сами ребята. Надо было видеть их лица. Я шел с письмом в руке сквозь живой коридор улыбок, салютов, галстуков, рукопожатий и думал, достоин ли я этого счастья, думал, какие хорошие растут у нас ребята, думал, что из многих из них вырастут, наверное, настоящие ученые, и очень хотел помочь им в этом.

С той памятной встречи обмениваемся письмами, поздравлениями, подарками. Надеюсь, что мои письма, советы некоторым из них помогли найти свой путь в жизни. Отношениями с ребятами, их чувствами очень дорожу.

— Не могли бы вы назвать деятелей науки, являющихся для вас образцом творческой личности, крупным авторитетом или, быть может, кумиром?

— Из множества выдающихся умов по грандиозности содеянного выделяется Дмитрий Иванович Менделеев. Он объединил все превращения химических элементов в единый, математически строгий закон. Он, как никто другой, сделал качественный шаг в науке, преодолев грань возможного.

Беседу вел Е. ДУГИН.

ТАК ГОТОВИЛОСЬ

ЗАПИСКИ
НЕМЕЦКОГО АНТИФАШИСТА

22 июня 1941 года

Герхард КЕГЕЛЬ

Уже после войны мне удалось разыскать официальный дневник германского посольства в Москве за период с 22 июня по 24 июля 1941 года. Он озаглавлен: «От начала германо-советской войны до возвращения в Германию». Авторами его были наряду с Шуленбургом прежде всего Хильгер и частично военный атташе. Хильгер, когда я посетил его в 1943 году, подарил мне на память о совместном возвращении гектографированный экземпляр. Этот дневник довольно объективно рассказывает о конкретных условиях интернирования и отправки нацистских дипломатов в Германию. Вместе с тем он рисует ту атмосферу, в которой мне приходилось действовать. Приведу отдельные выдержки из этого до сих пор не публиковавшегося документа, сохранив фашистскую терминологию и выражения.

«ПРОЩАНИЕ С МОСКВОЙ»

«22 июня, 3 часа ночи. Поступила телеграмма, поручающая послу посетить народного комиссара Молотова и сообщить ему о начале военных действий. Одновременно приказано уничтожить оставшиеся материалы и назвать болгарского посланника в качестве лица, представляющего интересы германского рейха. Германское посольство в Москве больше не существует. В здании посольства собрались посол, советник посольства Хильгер, посланник (фон Типпельскирх.— Г. К.) и генерал [Кёстринг]. Советник Хильгер звонит в секретариат Молотова, который готов немедленно принять посла.

5 часов 25 минут. Граф фон дер Шуленбург вместе с Хильгером отправляется в Кремль, чтобы выполнить это последнее поручение... Тем временем советник-посланник фон Вальтер будит болгарского посланника Стаменова, чтобы просить его приехать в посольство.

6 часов 10 минут. Посол возвратился. Молотов извещен. О начале военных действий ему, естественно, уже было известно... Появляется болгарский посланник, которого подробно информируют об обязанностях, вытекающих из принятия им на себя представительства германских интересов. Информированы также итальянский посол и румынский посланник, так как сами они пока еще никаких известий не имеют. Затем вызывают комендантов принадлежащих посольству зданий, чтобы обсудить с ними положение и дать им важнейшие указания насчет проживающего в их домах персонала: упаковать по два чемодана, временно оставаться на месте и т. п. Живущих в отеле или в отдельных квартирах вызывают в посольство.

11 часов. Графа фон дер Шуленбурга посещает японский посол, а вслед за ним — итальянский посол и словацкий посланник. В столице (в Москве.— Г. К.) полное спокойствие. В 12 часов дня Молотов наконец сообщает населению по радио о начале войны...

24 июня, 2 часа 30 минут. Вой сирен, стрельба зениток, треск пулеметов, гул моторов. Все в ужасе пробуждается от глубокого сна. Светает. Некоторые отправляются в подвал, любопытные подходят к окнам, наиболее усталые продолжают спать. На небе видны облачка разрывов зенитных снарядов, но знатоки утверждают, что тревога учебная. На следующий день радио подтверждает это.

19 часов. Появляется майор из Комиссариата

Радист подпольной антифашистской организации Курт Шульце.

Эрика фон Брондорф.

та внутренних дел, чтобы сообщить послу, что в 20 часов придут автобусы для отправки. Поедут в Кострому на Волге.

26 июня, 6 часов. Останавливаемся у импровизированной платформы. Станция, кажется, еще только строится. Несколько больших деревянных домов вдали и красная водонапорная башня из кирпича. Багаж грузится на грузовик... Пять минут ходьбы пешком, потом — первый деревянный забор, за ним — второй, с колючей проволокой.

1 июля, 11 часов. Отъезд в автобусах в направлении Нерехты. Неожиданно наш состав меняет направление, мы должны снова вернуться в Москву.

2 июля, 5 часов. Прибытие в Москву. Курский вокзал.

6 часов. Появляется Стаменов... С ним Васюков, заведующий отделом Наркоминдела, которому поручено сопровождать нас в поездке... Болгарин сообщает, что мы едем в Ленинкан и там 5 июля в 18 часов будем обмениваться...

18 часов. Курск. Подвозят хлеб, масло, колбасу, чай, сахар. Обсуждаем проблемы продовольствия и его хранения. С завтрашнего дня станет теплее, а это значит, что нам надо сохранить продукты на 112 человек. Постепенно темнеет... Переходить из одного вагона в другой строго запрещено...

Здесь я должен прервать цитирование путевого дневника посольства и кое-что сказать. По официозному дневнику (и читатель это, наверное, уже заметил) просто не скажешь, что речь в нем идет не о дорожной компании, а об интернированной и выдворяемой в условиях начавшейся войны группе лиц, часть которых активно участвовала в подготовке агрессии. Самая ужасная из всех войн во всей мировой истории требовала каждый день тысячи и десятки тысяч жертв. Однако сотрудников посольства и консулств нацистской Германии, казалось, интересовало только одно: хорошо ли их покормят и обеспечат ли постельным бельем. Да они еще к тому же привередничали. Разумеется, между собой они много говорили о войне, но волновало их главным образом одно: как бы, не повредив собственную шкуру, поскорее выбраться из страны, подвергшейся вероломному нападению.

Лично меня волновали совсем другие мысли. Разумеется, я не испытывал ни малейшего удовлетворения от того, что мои предостережения сбылись. Много ли потребуются времени, пока Советский Союз оправится от первых тяжелых внезапных ударов, на которые он явно не рассчитывал? Я с нетерпением ждал, что мой друг Павел Иванович найдет средства и пути, пока я еще нахожусь в поезде на советской территории, дать мне инструкции для нашей дальнейшей совместной работы. Поэтому на каждой остановке я выходил из своего купе и из вагонного прохода глядел на людей, стоящих на перроне, наблюдал за принадлежащей Наркомату внутренних дел охраной поезда, за сменой железнодорожников.

В Курске, где стоянка была продолжительной, я, разумеется, снова был начеку. С некоторым удовольствием я обнаружил на стене вокзала кран с надписью «Кипятки». Из него действительно лилась горячая вода, а это значило, что мы скоро получим чай. И тут рядом с краном я увидел неброско одетого человека в штатском, который внимательно разглядывал окна поезда; он показался мне очень знакомым. Это действительно был Павел Иванович. Он быстро обнаружил меня, но, как и я, не

Боль и надежда Мозамбика

Фото автора

Алексей ВАСИЛЬЕВ

Мозамбик трудно. Это не холодная констатация факта, а жгучая реальность дружественной нам страны.

Мы в детстве узнали и полюбили ее по милым стихам Чуковского, где слово Лимпопо звучало таинственно, экзотично, жарко. (Слово врезалось в память, и приходится пересиливать себя, приучаясь к правильному произношению, ударению на втором слоге — Лимпопо.)

Мы ближе узнали и сильнее полюбили ее по газетным и телевизионным сообщениям в годы, когда по лесам и саваннам шли сражаться и умирать за правое дело молодые мозамбикцы.

Мы помним, как с географических карт исчез Лоренсу-Маркиш, ставший Мапуту, а улицы в столице молодого государства зазвучали такими новыми для мозамбикцев названиями — Маркса, Энгельса, Ленина. Были первые годы независимости, было опьянение победой и свободой, лица людей светились надеждой. Но одновременно все беспощаднее становились удары, которые наносили по Мозамбику враги. Да и природа последние три года обернулась к Мозамбикку лицом озлобленной мачехи.

...На берег Лимпопо мы не смогли выехать. Вернее, мы добрались на автомашине до желто-красной, мутной воды, куда проваливался размытый асфальт. Лимпопо лежала где-то в десятках километров от нас. С вертолета открывалась залитая водой от горизонта до горизонта равнина, высокие деревья, увешанные гроздьями людей, кое-где армейские бронетранспортеры-амфибии, спасавшие их, плывущие соломенные хижинки, трупы животных. Равнодушное жгущее солнце стояло в зените над хаосом и разрушениями.

Ураган свирепствовал накануне. Воздух, ставший осозаемым, плотным и упругим, сбивал с ног людей, выворачивал с корнями могучие деревья, сносил кровли домов, рвал широкие лопухи бананов. Потом стала собираться гроза, сердце в груди билось, как загнанный зайчишка, и ухало куда-то в ноги, гудела голова, наэлектризованный воздух натягивал нервы. Наконец, разверзлись хляби небесные, с моря навалилась стена воды, и пошла гулять тропическая гроза. Маленькие ложбинки (за одну ночь!) превратились в овраги в полтора-два человеческих роста. Ливни обрушились и на соседнюю ЮАР, и там, спасая себя, открывали шлюзы в плотинах, сбрасывая воду в Мозамбик, усугубляя наводнение.

В столицу нормальная жизнь вернулась довольно скоро, но погибли десятки тысяч гектаров по-

лей. Наводнение пришло после самой жестокой за полстолетия засухи, что схватила весь район Южной Африки, но больше всего поразила несколько провинций Мозамбика. Засуха продолжалась три года. Земля отвердела и трескалась, урожай риса и кукурузы погибли. Начался массовый падеж скота.

В хижинки пришла беда: правительство, ЦК партии ФРЕЛИМО приняли чрезвычайные меры. Валюту, которой и без того мало, тратили на закупки муки и зерна. В деревни и на хутора были направлены грузовики с продовольствием. Но многие грузы не попали по назначению, были разграблены по дороге бандитами. От голода погибли тысячи и тысячи людей.

Слово «бандит» говорит о многом и о многом умалчивает. Оно говорит о хищничестве, жестокости, садизме, но скрывает политическую физиономию.

«...Они учинили допрос, и три человека признались в своей принадлежности к партии ФРЕЛИМО. Секретарь местной партиячейки Жоао Куно, его помощник Себастиао Матсинхе и еще трое родственников Матсинхе были выведены из толпы. Их начали бить молотками, а затем зарубили топорами, нанося удары по тыльной стороне шеи. Мятежники обезглавили троих из своих жертв и насадили их головы на колья перед входом в деревню. Они предупредили, что тот, кто осмелится их похоронить, поплатится за это жизнью...» Эти слова взяты из январского сообщения «респектабельного» агентства Франс Пресс, хозяева которого отнюдь не обуравляемы симпатией к мозамбикской революции.

Я видел ополченца со страшным, трагическим оскалом. «Когда бандиты отрезали мне губы, они сказали: «Теперь можешь идти и улыбаться Саморе Машелу». Вчерашний мирный крестьянин взял в руки винтовку.

Но, повторяю, само слово «бандит» не говорит о политической окраске отрядов мятежников, которые называют себя «мозамбикским национальным сопротивлением» (МНС) и кричат, что хотят свергнуть «коммунистическое правительство» ФРЕЛИМО.

МНС — выкормыш Претории, а в момент создания — также режима Яна Смита в тогдашней Южной Родезии, нынешней Зимбабве. После завоевания независимости Зимбабве Южная Африка снабжает его оружием, боеприпасами, продовольствием, деньгами, обучает главарей банд, контролирует их действия.

В прошлом году и в начале нынешнего внимание средств массовой информации было скон-

центрировано на Атлантическом побережье африканского континента, где шла открытая война между ангольцами и вторгнувшимися в страну южноафриканцами. «Молчаливая», но не менее жестокая война, развязанная ЮАР, заливала кровью Мозамбик.

Мятежники из МНС совершили нападения на один из крупнейших в Африке гидрокомплексов Кабора Басса, уничтожали опорные столбы линий электропередачи, взрывали поезда, мосты и склады горючего. Удары по коммуникациям стали нарастать с лета 1980 года, когда Мозамбик пережил первую засуху. Претория решила сбросить независимый Мозамбик в пучину хозяйственной разрухи. «В 1981—1982 годах», — писал итальянский журнал «Панорама», — отборные южноафриканские подразделения, которые сражаются вместе с мятежниками (несмотря на опровержения Претории, непосредственное участие ЮАР в боевых действиях не вызывает сомнений), взорвали мост на реке Пунгве, уничтожили некоторые портовые сооружения и в декабре 1982 года взорвали в Бейре (важнейший порт центрального Мозамбика. — А. В.) 34 цистерны с горючим».

Одним Мозамбиком замыслы Претории не ограничивались. Руками бандитов она была сразу по нескольким целям. Девять независимых государств Юга Африки — Ангола, Ботсвана, Лесото, Малави, Мозамбик, Свазиленд, Танзания, Замбия и Зимбабве — объединились в экономический союз — Конференцию по координации и развитию стран Юга Африки. Общими усилиями они стремятся уменьшить свою экономическую зависимость от ЮАР. Шесть из них не имеют выхода к морю, поэтому ключевую роль в их усилиях играют железные дороги и порты Мозамбика. Сабатаж должен был принудить такие страны, как Зимбабве, пользоваться только транспортной сетью ЮАР и склониться перед экономическим диктатом Претории.

Летом прошлого года мозамбикская армия перешла в наступление на формирования и базы МНС. Тысячи бандитов были уничтожены или взяты в плен. Но остальные рассеялись, как саранча, по всей стране. Мне не удалось посетить захваченные правительственными войсками базы бандитов. Поэтому ограничусь здесь описанием эпизода, взятого из парижского журнала «Африк-Ази».

Командование МНС, пишет журнал, осуществлялось из своеобразного бункера — замаскированного растительностью грота. Именно в этом «бункере», о котором знали лишь немногие марионеточные

руководители, южноафриканские военные специалисты готовили проведение операций в южном Мозамбике. Грот был обнаружен, когда мозамбикская армия окружила 23 августа 1983 года базу в Томе. После того, как были очищены менее крупные базы, охранявшие подступы к Томе, на расвете был начат заключительный штурм, продолжавшийся около пяти часов. Десятки членов МНС были убиты или взяты в плен, но основной части банды мятежников удалось бежать на юг. Снабжение базы осуществлялось по ночам с помощью самолетов ЮАР.

Наступление мозамбикских вооруженных сил в провинции Иньямбане началось в июне. За четыре месяца были заняты не только база в Томе, но и ряд других менее крупных баз.

Власти стараются предоставить крестьянам сельскохозяйственные орудия для того, чтобы возродить сельское хозяйство, пишет «Африк-Ази». В то же время может случиться, что как только армия уйдет, бандиты из МНС попытаются вернуться. По всей провинции тысячи добровольцев вступают в народную милицию и проходят военную подготовку под руководством армейских инструкторов.

Природные катастрофы и действия бандитов тяжело сказались на экономике. Третий год продолжается падение промышленного и сельскохозяйственного производства, экспорта. Товары, импортируемые с капиталистического рынка, все дорожают.

Хозяйство колониального Мозамбика базировалось на денежных переводах мозамбикских рабочих из ЮАР, на транспортном обслуживании грузов из ЮАР и тогдашней Родезии, на доходах от юаровских и родезийских туристов, приезжавших на чудесные океанские пляжи этой страны. Все три источника дохода в несколько раз уменьшились. Экономическая война ЮАР против соседнего государства началась в год провозглашения независимости. Она была дополнена ползучей агрессией через бандитов из МНС.

В год получения независимости девяносто три взрослых мозамбика из ста не знали грамоты. В школы ходило лишь полмиллиона детей. Учителя-португальцы уехали. Но сейчас учатся два миллиона. В университете вместо нескольких десятков темнокожих студентов (на три тысячи португальцев) сейчас больше трех тысяч мозамбикцев. Если говорить об успехах независимого Мозамбика — в образовании они самые ощутимые.

Мозамбик с первых дней своего независимого существования

Бойцы Народной армии. Привал * Индийский океан — кормилец для многих тысяч людей * Вокзал в провинциальном центре Бейра * А этот городской вокзал в Мапуту построен в начале века * На одной из столичных улиц.

Сад опустел, на концерты собиралось не более полутора-двухсот человек, настолько преданных музыке, что их нельзя было отвадить никаким ливнем. Конечно, случались и хорошие, солнечные дни, но приходилось неизменно на воскресенья, когда человек отдыхает от трудов праведных и все увеселения закрыты. В понедельник снова принимался дождь. И так на протяжении всех шести недель. Никакой энтузиазм, никакие надежды, никакая художественная общность не устоят перед таким испытанием, и в исходе серейгарденских концертов оркестранты глядеть не могли ни друг на друга, ни на своего незадачливого вожа, платившего им той же монетой.

Князь не успел впасть в бурное отчаяние, что стало его специальностью в эмиграции, как получил блестящее предложение от мистера Смита, купившего Креморн-Гарденс и ничего на него не жалевшего. Жулик и проходимец, Кардуэль пользовался в Сити репутацией почтенного, кристально честного делового человека, слава мистера Смита была иного толка. В Сити, а затем по всему Лондону распространился слух, что разорившийся м-р Смит бежал со всей семьей в Австралию, на другой день он как ни в чем не бывало раскатывал по Пикадилли или Риджент-сквер в блестящем ландо, сверкая рубинами и солитерами, украшавшими его перстни, булавки и запонки. «Допрыгался Смит — угодил за решетку», — хихикая, сообщали друг другу лондонские дельцы, любившие ближнего значительно меньше, чем самого себя, и пропускали на радостях по стаканчику портвейна, а Смит появлялся на ближайших скачках, и его кровные скакуны брали главные призы. Он содержал Королевский театр и не без успеха соперничал с Ковентгарденским театром, приглашал самых знаменитых гастролеров и платил им невиданные гонорары, и вдруг весь Лондон узнавал, что Смит наконец-то объявил себя банкротом. В дни, когда слухи превратились в уверенность и в Сити смаковали подробности позорного крушения этого выскочки-авантюриста, он приобрел за 26 000 фунтов Креморн-Гарденс.

В каждое дело загадочный Смит вносил невиданный размах. Сад на глазах потрясенных лондонцев стал превращаться в восьмое чудо света, оркестр был собран самый большой в Англии, а для управления им потребовался, конечно, принц крови. Смит предложил Его ко-

ролевскому высочеству контракт воистину королевский: на шесть лет по 3000 фунтов в год, квартиру, полное содержание и бенефис в середине сезона. К тому же работать надо всего восемь месяцев в году. Смит готов был подписать контракт сразу после открытия Креморн-Гарденса под его фирмой. Ни о чем подобном даже мечтать не смел злосчастный сэр Вильямс.

Всевышний сжалился над муками его семьи, увеличившейся на одного человека, и послал мистера Смита с проектом наищедрейшего контракта в руке вместо оливковой ветви. Конец тяжким испытаниям, конец нужде, конец печали.

Что из всего этого вышло, пусть расскажет сам князь Голицын, хочется, чтобы читатель услышал его собственный голос. Началось все на репетиции. Мистер Смит потребовал, чтобы каждое отделение начиналось увертюрой из опер: «Цампа», «Фенелла», «Бронзовый конь» и «Фра-Дьяволо». Кое-как справились с тремя увертюрами — музыканты играли нехотя, переговаривались, смеялись, и князь подозревал, что объектом их остроумия была его особа. В другое время он наверняка бы всплился, но жизнь обкатала нетерпивца, пообломала ему рога, и он сделал вид, будто не замечает дерзкого поведения оркестра. Но и не насторожился, за что был страшно наказан.

«Оставалось исполнить увертюру «Фра-Дьяволо». Всем известно, что эта увертюра начинается барабанным соло. Я подал знак барабанщику-солисту начинать увертюру; но он был занят разговором с литавристом и по назначению моему не начал; я постучал палочкой по пюпитру и дал знак повторительный. Барабанщик-француз продолжал свою болтовню и вторично не начал. Тогда, обратясь к нему, сказал *avec le ton, qui fait la musique*: «*Je ne suis pas venu, monsieur, pour écouter vos balivernes, je vous engage d'être à votre affaire*» — «*on y est, monsieur, et on y sera*»¹, — ответил нахальный

¹ «...тоном, не терпящим возражения: «Я здесь, сударь, не для того, чтобы слушать вашу болтовню, я вас нанял для того, чтобы вы занимались своим делом» — «я занимаюсь своим делом, господин, и буду им заниматься...»

француз. Что этим француз, *petit tambour*², хотел сказать, я в то время не понял или, правильнее, внимания на это не обратил. Вечером, к семи часам, я в полной парадной форме, т. е. в белом галстуке и палевых перчатках, был на эстраде... Наконец в половине восьмого дано было приказание начать концерт. По программе стояла первым номером увертюра «Цампы». Махнул я капельмейстерским жезлом, и разразился гром. С первого аккорда послышался страшнейший, небывалый в мире диссонанс: один оркестр начал «Цампу», другой — «Бронзового коня», третий — «Фенеллу», а четвертый — «Фра-Дьяволо», причем француз, *petit tambour*, стоя на стуле, здорово бил дробь на барабанах и прикрикивал: «*On y est, monsieur, on y est!*»³. На публику этот новый музыкальный эффект различно подействовал: одни хохотали, другие свистели, третьи шикали. Я же, видя, что это было не что иное, как общий заговор всех музыкантов против меня, и что тут уже ничего не поделаешь, увлекся постоянной моей нетерпимостью и, пустив метко моим капельмейстерским жезлом в грудь французского *petit tambour*, сошел с эстрады. Смит, которому об этом скандале немедленно доложили, бежал уже к месту сражения и, встретив меня на дороге, сказал мне: «Может быть, у вашего королевского высочества много таланта, но вы не обладаете одним, и самым главным, — это умением уживаться с теми, от кого вы зависите, и потому, не находя возможным иметь с вами серьезное дело, от предложения моих отказываюсь и контракта не подпишу. Доброй ночи». И с этими словами он пошел дальше. Долго стоял я на одном месте, но в первый раз не выдержал я силы удара... и горько заплакал.

Последнее не соответствует истине: князь плакал не впервые, давно уже вошло у него в привычку омыwać горячими слезами удары судьбы. А в негостеприимной Англии князь то и дело исходил влагой из своих красивых воловьих глаз. И это неизменно приносило ему облегчение.

² Маленький барабанщик.

³ «Я занимаюсь своим делом, господин, я занимаюсь своим делом!»

Окончание следует.

...MITHOWE, MITHOWE

Фото А. БОЧНИНА

Б

ез эмоций нет спорта. Без восторга победы так же, как и без горечи поражения, не существует спортивное зрелище. Разве может родиться высокое достижение, рекорд из спокойствия, из равнодушия!

Вот перед вами всего несколько кадров на эту вечно новую тему. Сколько за этими снимками таится чувств, и радостных и печальных, но так или иначе рождающих горячий отклик зрителей! Если бы спортивная борьба не вызывала к жизни тончайшую гамму эмоций, вряд ли заполнились бы трибуны. Доказательством этому — нынешний футбол. Равнодушие, невозмутимость игроков рождает скуку зрителей. А кому же хочется идти скучать на стадион!

Нет, спорт требует от спортсменов полной отдачи, не только физической, но и духовной... Лишь это взрывчатое сочетание рождает незабываемое зрелище спортивной борьбы. А такая отдача происходит лишь тогда, когда на арене сходятся равноценные высококлассные соперники. Вот почему никогда шахматная партия, в которой за доской встречаются человек и кибернетическая машина, не вызовет эмоционального отклика у любителей этой прекрасной игры. Или представьте себе электронно-вычислительную машину, в которой запрограммирован не искусственный интеллект, а искусственный атлетизм. Сможет ли победа киберспортсмена вызвать к жизни бурю чувств! Вряд ли. Но, может быть, во время подготовки к высоким результатам, когда эмоции излишни, кибертренер окажется полезным, и рождение такого электронного тренера — совсем не утопия. Ученые Ленинграда уже близки к тому, чтобы создать электронный робот, который поможет тренерам воспитывать характер их учеников. Испытания таких электронных тренажеров уже проходят в Ленинградском институте физкультуры. А пока — пока эмоциональный взрыв в спорте неудержим. И, может быть, его и не надо сдерживать!

В. ВИКТОРОВ

